

СИГНАЛЬНЫЙ
УКЗЕМЛЯР

СМЕНА

9

1954

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Целиной, дорогой незнакомой...

Слова Л. Визена
и Ю. Берестнева

Музыка
А. Островского

Медленно, проникновенно *mf*

Эх, да ле... ко, да ле, но до ма, степь ков...

ром нехоженным легла. Целиной, дорогой незнакомой шли дру...

зия на славные дела. Целиной, дорогой незнакомой шли дру...

зия на славные дела. Пусть па... зия и песня с ними шла.

rit. pp

Эх, далеко, далеко до дома.
Степь ковром нехоженным легла;
Целиной, дорогой незнакомой
Шли друзья на славные дела.

Пусть палатку рвет осенний ветер,
Пусть грохочет гроза и хлещет дождь.
Не отступит ни за что на свете
Наша боевая молодежь.

Ничего, что прост и скромен ужин,
Но у нас завидная судьба,
Труд наш здесь, в степи, народу нужен,
Чтоб растить высокие хлеба.

Смелым людям нипочем несчастье —
Настоять сумели на своем:
Мы не ждем, пока придет к нам счастье,
Наше счастье сами создаем.

Эх, далеко, далеко до дома.
Степь ковром нехоженным легла;
Целиной, дорогой незнакомой
Шли друзья, и песня с ними шла.

Рисунок Н. Калиты.

Крепнет дружба демократической молодежи всего мира. На состоявшемся недавно XII съезде ВЛКСМ присутствовали многочисленные молодежные делегации из-за рубежа. На снимке: Герой Кореянской Народно-Демократической Республики Тхе Чук Сен среди делегатов съезда.

Фото
Я. Халипа.

Прометрии всех стран, соединяйтесь!

СМЕНА

Литературно-художественный и общественно-политический журнал
Центрального Комитета ВЛКСМ. Май, № 9, 1954 год.

Год
издания
31-й

Праздник

Прилетевшие вновь грачи
Подтвердили приход весны:
Завнека кругом ручьи
Вечной молодости страны.

Будто солнечный самосвал
Опрокинул лучи сна, и,
И достояна любви позвал
Наш испытанный друг — весна.

Выйдя в праздник наш наекте,
Песню радостно подхватив,
Самшишь? В каждой ее строке
Комсомоальский звучит мотив!

С. ИВА

Май над Родиной моей

На крыльях к нам спешит весна
Пути птичьих стай,
И ветра телого волна
Принесит месяц май.

Весенний день, авеселый день
Над Родиной встает.
Цветет душистая сирень,
Черемука цветет.

И там, где прежде шла борьба
Из-за глотка воды,
Растут высокие хлеба,
Шумят сейчас сады.

А скоро балс утробных скал
Взнесет порой
цветок огни содой Байкал
над дочкой — Ангарой.

Цветет Урал, Сибирь, Доббас —
страна моя цветет.
Многоголосье майский час
над Родиной встает.

И песни звонкая летит
до облачных высот,
и перемаяский тоет звучит
за славный наш народ.

Александр НИКОЛАЕВ

За мир!

— Мы больше воевать
не будем! —
Простые люди говорят.
Всем сердцем верят этим аям
Я, бывший гвардии солдат.
И тоже думаю о мире
И жалею отставать говов.
Вот почему сегодня в кире
Из ста я выбрал сто очков.

С веский весенний ветер развевает таме
замена. Всеконным потоком дви-
жутся колонны демонстрантов. Над
вымытыми первым дождем улицами звенит
песни.

Первое мая! Праздник труда, праздник
весны. Весна этого года богата новыми
приметами. Особенно они заметны на
селе. Никогда еще не стояли такие больше
и откровенные заеды перед работни-
ками сельского хозяйства, как сейчас.
Партия намечала широкую программу
подъема колхозного и совхозного произ-
водства, программу борьбы за высокие и
устойчивые урожаи, за изобилие продук-
тов для населения. Она послала на село
многоотычных брига агромонтов и меха-
низаторов. В адрес машинно-тракторных
станций в огромном количестве поступает
новая техника.

По призыву партии тысячи комсомо-
льцев, молодых патриотов начали работу на
пашинных землях. Им предстоит много и
упорно трудиться, чтобы на новых землях
запущено море хлебов.

С новой силой разгорелось всеобщее
соревнование тракторных бригад. Механи-
заторы вышли на передний край борьбы
за повышение урожайности и подъем жи-
вотноводства.

Этой весной проведено очередное, седь-
мое по счету снижение розничных цен.
В результате его население получит вы-
год в десятки миллиардов рублей. По-
станавление Совета Министров СССР и
ЦК КПСС о новом снижении розничных
цен послужило новым доказательством
неустойчивой заботы Коммунистической
партии и Советского правительства о си-
стематическом повышении жизненного
уровня трудящихся. Оно еще раз проде-
монстрировало, что благо советского че-
ловека является для нашей партии высшим
законом.

Мы живем в такой стране, которой
нельзя не гордиться, которую нельзя
не любить всем пылом молодого сердца.
Эти чувства мы испытывали вновь, когда
читали материалы состоявшегося накануне
майских праздников сессии Верховного
Совета СССР.

Богате наше государство, силнее! По-
смотрим: расходы на народное хозяйство
возрастают в этом году по сравнению с
предыдущим почти на 20 процентов и со-
ставляют 326,7 миллиарда рублей. Это
прежде! Только за один год число учени-
ков, окончивших среднюю школу, уве-
личится примерно в два раза по сравне-
нию с 1953 годом. В высшие учебные за-
ведения и техникумы в 1954 году будет
принято более одного миллиона человек.

Из года в год растет наш национальный
доход, наше богатство. Это потому, что
советские люди трудятся уваченно и твор-
чески, неустойно повышают производи-
тельность труда.

Вместе со всем нашим народом успешно
трудятся над выполнением пятого пяти-
летнего плана советская молодежь, ком-
сомоальцы. Токвар харьковского завода
«Мехлонд» комсомольцу Георгию Вол-
кову поручено обработать сложнейший
вал холодильного компрессора. Ввел ряд
новшеств, Волков уваченил производи-
тельность труда на обработке этой детали
в десять раз. Больших успехов достигли
молодые механизмы электровозов Куз-
басса, решившие довести пробег своих ма-

шин до двухсот пятидесяти тысяч кило-
метров без подъемочного ремонта. Элек-
тровоз «Комсомолец», который водит
бригада Михаила Корытина, прошеа без
подъемочного ремонта 255 тысяч километ-
ров, а электровоз Петра Сенчукова и его
товарищи — 300 тысяч километров. Сте-
славры московского завода «Серп и
молот» гг. Гусаров, Ерошкин и Моторов каж-
дую вторую плавку варят скоростным
способом. Участвуя во всеобщем сорев-
новании молодежи в тракторных бригад,
бригада Василия Игнатова из Изобиль-
ненской МТС за три дня завершила сев
ранних колосовых.

Нами движет замечательное чувство —
советский патриотизм. Нас водит Комму-
нистическая партия — испытанный аван-
гард трудящихся нашей страны, великая
вдохновляющая и руководящая сила со-
ветского народа в борьбе за построение
коммунизма. И поэтому мы победим.
И поэтому мы, ставя перед собой больше
и трудные задачи, знаем, что они будут
выполнены.

Уверенно и смело смотрим мы вперед,
твердыми шагами идя к своей цели — ком-
мунизму. Вместе с нами, вместе с Совет-
ским Союзом, строят новую жизнь трудя-
щиеся стран народной демократии. Каж-
дый день, раскрывая газеты, мы радуем-
ся успехам нашего великого друга и на-
шеда — народного Китая. Мы увачем о
новых победах металлургов Чехословакии,
нефтяников Румынии, горняков Польши,
каменщиков Северной Кореи, трактористов
Болгарии, машиностроителей Венгрии, жи-
вотноводов Албании. Мирно и поздравляя
любой работой заняты люди демократической
Германии.

В лагере мира и социализма — 800 мил-
лионов человек. Это люди, борющиеся за
свое будущее, за будущее человечества. Их
борьба встречает активную поддержку со
стороны миллионов трудящихся капита-
листических стран. Честные люди всего мира
активно выступают за мир на земле, про-
тив империалистической политики подго-
товки новой войны.

Первого мая, в день международной со-
лидарности трудящихся, миллионы людей
всех стран еще раз поднимают свой голос
в защиту мира, в защиту своих прав.
Каждый, в ком боется честное сердце,
не может мириться с тем, что авантюри-
сты из лагеря войны продолжают про-
водить политику гоним вооружений, что
большие запасы вооружений, созданные
океанскими покровителями восстановления
фашистский вермахт. Люди хотят мира,
и они борются за него.

С надеждой смотрят миллионы трудя-
щихся зарубежных стран на Советский
Союз. Они видят в нем оплот мира и де-
мократии. Страна Советов последователь-
но и неустойно выступает за дружбу
между народами и сама показывает бес-
спешный пример другим.

Счастье быть гражданами Советского
Союза. Счастье жить и работать под ру-
ководством Коммунистической партии. Как
чуткая, любящая мать, заботится она о
молодежи. И сегодня миллионы молодых
строителей коммунизма повторяют слова
первомайского призыва ЦК КПСС:

«Юноши и девушки, наша славная со-
ветская молодежь! Активнее участвуйте в
государственном, хозяйственном и куль-
турном строительстве, во всей обществен-
но-политической жизни страны! Нестой-
чиво овладевайте знаниями, достижения-
ми передовой науки и техники! Будьте
стойкими и смелыми в борьбе за победу
великого дела коммунизма в нашей
стране!»

НА НОВЫЕ ЗЕМЛИ

[Из записной книжки]

ПРОВОДНИЦА ТРЕТЬЕГО ВАГОНА

Еще в Москве, на вокзале, Андрей Шумский заметил, что проводница третьего вагона как-то по-особенному пристально всматривалась в лица отъезжающих.

Когда под звуки оркестра поезд с молодью плавно тронулся, она, не торопясь, обошла все купе, заботливо спрашивая, как устроились, и опять глаза ее пылко останавливались на возбужденных лицах. Заметив слезы у молодой девушки, стоявшей в одиночестве возле окна, проводница дотронулась рукой до ее плеча:

— Не поехала, отказалась?

Девушка вскинула:

— Угу...

— Ну, и не горюй. Опомнится — сам пригнется. А ты на люди иди, легче будет...

В крайнем купе широкоплечий парень в тельняшке, нещадно перевирая паровоз, пытался затянуть «Ой, цветет калина...». Проводница с минуту постояла и доброудно упрекнула:

— Кто же так поет! Посты лучше сначала, не позорь песню. Потом вместе споем.

Под вечер Андрей Шумский встретился с проводницей у «Китана». Она ловко наливая чай в стаканы, выстроенные на блестящем подносе.

— Чаю захотел? Небось, за целый день перекусить не успел, волновался?

— Не успел,— признался Андрей и вдруг спросил: — А вы все кого-то ищете?

Проводница внимательно посмотрела на него, улыбнулась и, склонив набок голову, негромко произнесла:

— Молодость свою ищу, с нею встретиться захотелось.

Андрей тактично промолчал. Лицо проводницы снова озерилось улыбкой.

— Не понимаешь? Я вот так же, как вы сегодня на целину, когда-то Комсомольск-на-Амуре ехала строить...

— Вы Комсомольск строили? — переспросил Андрей дрогнувшим от волнения голосом.

— Десять лет там проработала!

Весть о том, что проводница третьего вагона Мария Васильевна принимала участие в

Фото И. Драчнского.

С Украины в Казахстан на целинные земли приехал транзитист комсомолец Есей Войченко. Сейчас он работает в Семизерной МТС. На своем тракторе «ДТ-54» Войченко обогнал подить 1 500 гектаров целины.

В Семизерную МТС прибыла новая техника. Комсомольцы Николай Нечай и Степан Согутовский монтируют мощные пятинорпусные плуги для подъема целины.

строительстве Комсомольска, облетела весь поезд.

— Надо, чтобы она нам рассказала о Комсомольске,— говорил Андрей товарищам.— Собрался в вагоне открытый комсомольское собрание, всех желающих пригласим.

— Обязательно! — поддержали Андрея ребята, и к Марии Васильевне была направлена специальная делегация.

Густо покраснев, проводница выслушала просьбу пассажиров и разжала руки:

— Никогдашня из меня рассказчица! Поругать, покурить могу, а рассказывать — не получается... Де вам что, для ответа надо? Дескать, в дороге провели встречу с бывшей участницей стройки Комсомольска!

Уговоры ни к чему не привели. Мария Васильевна рассказывать о Комсомольске отказалась.

На место назначения поезд прибыл глубокой ночью. Замерзшие музыканты, стоявшие возле высокого сколоченной трибуны, не совсем стройно играли марш. Александр Александрович, представитель райкома партии, возглавлявший эшелон, нашел Андрея и, прикрывшись воротником от ветра, сказал:

— Будешь выступать? Учи!

Митинг открыл первый секретер обкома. Он приветствовал молодежь, приехавшую на освоение земель, и, как показалось Андрею, совсем неожиданно назвал его фамилию.

Андрей вышел на трибуну, бодро прои-

нес: «Дорогие товарища!» — и сразу почувствовал, как ему стало жарко: он забыл все, что хотел сказать, и беспомощно смотрел по сторонам. Нестройный гул толпы, над которыми собрался морозный пар, оглушил Андрея. И тут он встретился с обидчивым взглядом Марии Васильевны. Это взгляд словно говорил: «Не терпится, пареня! Все будет в порядке!» Андрей глотнул жгучую воду и начал:

— Есть старшая русская община: матери, старшие братья и сестры напустуют своим словом молодца на доброе дело. Пусть такое слово скажет нам проводница третьего вагона Мария Васильевна, бывшая участница строительства Комсомольска-на-Амуре.

Звонкие хлопья заглушили последние слова Андрея. А Мария Васильевна оглянулась на состав, сияющий освещенными окнами, и быстро пошла к трибуне.

— Вот ведь как получилось, — тихо начала она. — Пришлось мне второй раз молодость пережить. Спросил меня один паренек, зачем я в лица выглядывалась, присматривалась. Очень мне хотелось знать, похожи вы на нас, кавиан мы в молодости были, или нет. Честно скажу, похотел. Правда, позорозаннее нас, одеты получше, а молодость та же — комсомольская...

Мария Васильевна на секунду замолчала и, улыбувшись, поправила вывихнувшуюся изпод бретера прядь волос.

— А наступите мне такое: работайте понашему и лучше нашей! Вездельников выгоняйте, лентяев подтягивайте, на умелых равняйтесь. Я к вам осенью в гости приеду, ваших приговоров попробую...

Добрым гулом раскатились аплодисменты: на перроне и в репродукторе. Секретарь обкома объявил митинг встречи закрытым.

С восторженными глазами Мария Васильевна побегала к вагону, и здесь ее остановил заместитель директора одного из будущих совхозов.

— Почаще к нам заезжайте. Выступили бы еще рассказали...

Мария Васильевна сердито ответила: «Я оратор не штатный! Однажды от души получилось, и хватит!»

СТАРИШЬИ И СТАРШИНА

Лучшую кандидатуру, чем Волода Карташев, на должность старшего по седьмому вагону найти было трудно. Прежде всего он объявил соревнование за «самое быстрое купанье», «сверхчестное купанье и купанье без фиктивных». О курьезном и вагонном купанье, а в продолжении с вагонной радостью читали вывешенный в коридоре вагона плакат: «Отменим ванна!»

Волода организовал в вагоне шахматно-шашечный турнир, выпустил несколько номеров стентгазеты с веселыми, цветными рисунками.

Когда старшие из других вагонов говорили ему о своих неудачах, Карташев вежливо улыбался пожимая плечами:

— Надо учиться любить работать...

— В конце пути Александр Александрович объявил Карташеву благодарность за образцовый вагон. Волода лихо щелкнул каблукими и вытупился:

— Мы еще на всю страну программы! Прощаю надежда. Мы Александр Александрович ехали в совхоз, где обосновался ребята из седьмого вагона. Мощный трактор «С-80» не спеша тащил две огромные сани, на которых были установлены фаровые будки, называемые «завидьями». Через квадратное окошко виднелась необъятная степь.

В нашем вагончике было темно и весело. Сначала пели песни, потом, прыгнув в снег, бежали за санями, потом опять пели песни. И вдруг розовоцветная девушка в белом пуховом платке сказала:

— А патефон!
— Не волнуйся, Клава. Не забыли!
Девушка спокойно извлекла патефон, поставила его на козлы, подала в мембрану и поставила пластинку.

Под патефонную музыку мы разговорились с директором совхоза, который ездил на станцию встречать новую партию добровольцев. Прежде всего Александр Александрович заинтересовался:

— Как там мои устроились?
— Из второй московской партии! — угонил директор и кратко ответил: — Начинают трудиться.

— А как Карташев?
— Кто это?
— Ну, такой инициативный, энергичный парень.

— А! — Лицо директора расплылось в улыбку, и щеточки усов прыгнули в разные стороны. — Это Садофьев. Молодец парень! Неудачевым, как Карташев превратился в Садофьева, мы с Александром Александровичем все-таки вспомнили, что в седьмом вагоне...

Полина КАГАНОВА

Дружба

Десять лет, почитай, не выдался, и дружки.

А в войну до Берлина вдвоем прошагали.

И душою и сердцем остались близки. Да хорошие письма друг другу писали.

Был один виноградарем. Жил он в Крыму.

Возле самого Черного моря, у Ялты. Приезжал писал он другу своему: «Приезжай! Ведь в гостях у меня не бывала ты!»

И я тебя виноградным вином напою, Мы припомним дакие наши походы...

Аесорубом другой был в таскеюм краю, Где леса поднимались высоко

к небосводу, Отвечал виноградарю друг-аесоруб, Он товарища тоже звал в гости

и приезжать: «Приезжай! Мы недавно отстроили клуб».

И кочалось письмо пожеланьем успехов.

Так один собирался в Крым погостить, А другой обещался в тайге пригизматься.

В самолетах летали опять и опять Вести в белых конвертах, как доброе письмо.

А когда наступили погоже дни, Рыхляк снег под лутами весенними стаял,

Наконец повстречались друг с другом они

Не в Крыму, не в тайге, а на землях ЛАТА!

г. Ленинград.

гоне ехал некто Садофьев, коренный парень в гимнастерке. В дороге он ничем особенным не выделялся, аккуратно выполнял все колодные приказания, послушно выходил в туман на перекур.

Километраж в трех от совхозного поселка мы унделили людей, рясцивавших дорогу. Из лопаты заматили парч сменной пыли. Подъехав поближе, Александр Александрович, директор и я вышли из вагончика.

— Вышли, объяснил директор. К Александру Александровичу подбежали пучковые от мороза ребята. Еще не успев со всеми поздороваться, мы услышали вдруг девловный голос:

— Надо старшине сказать, что Александр Александрович приехал.

— Ладно, сами найдем вешего старшину, — сказал директор, и мы направились к поселку.

Поселок совхоза состоял из низких, архаичных в здании глинобитных домишек, нескольких деревянных изб и каменного здания ремонтных мастерских.

— Вот и весь наш город, — широко проврал рукой директор. — Без асфальта, но с электростанцией и совхозными парками.

На электростанции на вопрос директора,

нет ли здесь старшины, пожилой монтер ответил:

— Минуту назад в ремонтные мастерские подался.

В ремонтной мастерской на нас дохнуло погородскому знакомым запахом бензина. Здесь глухо шумели паяльные лампы, плахали молотки. Директору пришлось подождать минут десять домы доподрубричными тракторами свелками пока он нашел старшину.

Коренный старшина в ватнике не спеша подошел к нам, вытер ветошью руки и поздоровался.

— Ты здесь сейчас за главным? — пожал ему руку Александр Александрович и, очевидно, уже удержался, чтобы не спросить сразу о Карташеве.

— Не знаю, — ответил Садофьев и быстро заговорил о другом: — Вы посмотрите, сколько наших ребят в мастерской! Но ведь и свет тоже должен задерживать, и дорогу расчищать, и баню строить. Верно?

— Верно! — согласился Александр Александрович.

— Не дичь у нас курсы трактористов и комбайнеров открывались, — сказал директор совхоза. — Всех техникой займем, и Садофьев не придется очереди устанавливать — кого оставить в мастерской, кого послать на расчистку снега.

— Я и не устанавливаю. Сами договариваются, — улыбуясь Садофьев и лукаво взглянув на директора, сказал: — Поглядите, я вам нашу баню покажу.

На месте будущей бани блестели желваковой первые венцы сруба, остро пахло сосной, и позанимались.

— Плотничью? — удовлетворенно отметил директор. — А вначале говорили: мы на эту работу не наминались!

— Да кто говорил! — Садофьев покраснел. — Просто согласились некоторые несознательность провинили.

— А кто именно?

Отвечать Садофьев не успел. Он заметил какую-то неполадку в работе юного плотника и подбежал к нему.

— Идем-ка топтать!

Тот покорно протянул Садофьеву топор. Садофьев, слегка согнув ноги, подался вперед и принялся обтесывать бруво. Длинная щель пружинистой лентой ровно пополазла в сторону Корпы. Из угла фигуры Садофьева стала вдруг необыкновенно красиво, мужественной. Обтесав одну сторону бревна, он шутливо сказал что-то парню и переключил на нем.

— Александр Александрович наконец не выдержал и спросил:

— Объясни, как же получилось, что вместо Карташева ты главный?

— Во все я не главный. Просто там, меня ребята спрашивают, а я объясняю. А то, что старшину зовут, так это они узнали мой армейский чин.

— А! Вспомнил! — прервал разговор директор. — Карташев — это тот, который против бани выступал!

— Помните, Александр Александрович — объяснил Садофьев, — когда мы в совхоз добрался и по домам нас в квартиры поставили, Волода फिर начал: «Разве это дома? Это же земляники!» Я ему объяснил, что в Северном Казахстане дома нарочно наполовину не вымазаны, от ветров...

— Ты разве был раньше в Казахстане?

— Нет, но я к обстановке привыклился. Потом вопрос возник насчет мата. Бани тут, а директор лес давал. Я и предложил своим сыновьям не бани строить. Волода же заявил, что он привык к технике, а не к орудиям каменного века и ехал сюда государственное дело делать, а не баню строить. Мы начали строить без Володы. Тогда он ко мне приближался и ругался: «Кто тебе дал право распоряжаться? Я старшим назначен! «Пожалуйста» — говорю, — распоряжайся, командуй, я не претендую». Но его никто уже слушать не стал. Он совсем обиделся и два дня ни на какую работу не выходил.

— Улучшается положение, — улыбуясь Садофьев. — Он узнал, что я хоть молодой, но член партии, и сказал: «Партия всегда комсомолом руководит. Я тебе подчинюсь и еду на всегдашний дом». Сейчас он на второй работе работает.

С. НИКИТИН-РЫДИН

ПОРТРЕТ КОМЕНДОРА

Рассказ

Прасковья Евграфовна Полегаева, старая седая женщина, вошла в здание товарищества «Художник». Просторный и гулкий коридор был пуст. В матовом свете электоралки поблескивали никелированные дверные ручки. Одна из дверей открылась, и тоненькая стройная на вид девушка в белой кофточке с короткими рукавами-фонариками и черной юбке прошла мимо.

— Доченька! — окликнула ее Прасковья Евграфовна. — Мне бы надо портрет нарисовать.

Девушка остановилась.

— Чей портрет? — спросила она.

— Сына Павлушу срисовать бы...

— Слезь ступня. Вам лучше обратиться в бюро заказов. Следующий подъезд, направо.

— Мне сюда надо, — возразила Прасковья Евграфовна.

— Вы прямо к художнику ходите?

— Нет, доченька. У нас в колхозе тоже есть художники. Мне к народному...

— К Владимиру Владимировичу? Вот дверь его мастерской. Только он не принимает здесь.

Когда девушка ушла, Прасковья Евграфовна решительно взялась за ручку двери. «Народный», — подумала она, — должен принять».

Художник Владимир Владимирович Каптанов был так поглощен работой, что не заметил вошедшей посетительницы. Рассказывая около мольберта, он хмурился и отрывистыми, короткими движениями кисти накладывал на холст мазки. Картина, видимо, ему не нравилась. Каптанов сделал несколько мазков и отошел к стене, искоса поглядывая на полотно. Выбившиеся из-под тубетейки пряди седых волос падали на лоб. Он то вскакивал, то снова садился в кресло и продолжал работу. Прасковья Евграфовна

долго наблюдала за ним и наконец, вздохнув, проговорила:

— Маята какая...

Каптанов огаинулся в недоумении:

— Вы к кому?

— К вам, к вам... Простите за беспокойство, товарищ народный художник.

Каптанов удивленно вскинула лохматые брови, положила кисть и сухо спросил:

— Чем могу служить?

— С просьбой к вам пришла. Сына надо бы нарисовать, да никто не берется. Трудно, говорят.

— Что ж в этом трудного... Зайдите в бюро заказов, там скажут, когда придти вешнему сыну. Дни и часы назначат.

Каптанов горюхался закончить картину и не склонен был к длинному разговору. Он кивнул старушке и взяла кисть.

— Не может он придти, — едва слышно произнесла старушка. — Нет его на свете, мила человек. Матросом он был. В бою погиб.

Сжав чуть подрагивающие губы, Прасковья Евграфовна достала из кармана платяя сверток, развернула его и протянула художнику конверт и орден Отечественной войны.

Каптанов нерешительно взяла конверт, вынул из него письмо.

«Дорогая Прасковья Евграфовна», — прочел он и поднял глаза на старушку. Та стояла настороженная, подавшись вперед. Глаза ее были полны слез.

— Садитесь, пожалуйста, — спохватился Каптанов, смаяхнул с широкого дивана эскизы и усадил Прасковью Евграфовну. Присел рядом и начал читать.

В письме сообщалось о том, что командор сторожевого корабля «Молния» Павел Полегаев совершил геройский подвиг. Корабль вел неравный бой с противником. Многие матросы были ранены. Полегаев, несмотря на ранения, не покинул боевого

поста и продолжал вести огонь. Он сбив самолет противника. До последнего удара сердца Павел был верен воинскому долгу. Далее говорилось, что командор Полегаев внесен навечно в список личного состава флота. Его орден командование посылает матери вместе с великой благодарностью за то, что она воспитала безгранично преданного Родине героя. Письмо было подписано адмиралом.

Дочитав письмо, художник тихо сказал: — Не знал я, Прасковья Евграфовна, прости...

Старушка вытерла уголок головного платка слезы. С минуту помолчала.

— Ну, полно, — сказала наконец Прасковья Евграфовна. — Многие я просила нарисовать наваушкин портрет. Отказывались: ведь даже фотографии его не сохранилось. Все в войну сгорело от бомбы... Вот и надумала я к вам обратиться, как к народному художнику. На вас одного надежда. Нарисуйте Павлушу!

Каптанов нахмурился. Старушка ждала ответа, пристально глядя на художника.

— Павлу сколько лет было? — спросила Каптанов, чтобы нарушить затнувшуюся паузу.

— Двадцать семь... Жить бы да жить, — вздохнула Прасковья Евграфовна, и слезы снова навернулись у нее на глазах.

Каптанов прошелся по мастерской. «Что же делать? — напряженно думал он. — Жаль старушку, а придется отказать». Но сказать ей об этом прямо почему-то было трудно. Художник подошел к мольберту. Стараясь хоть как-нибудь отдалить неприятное объяснение, он сказал:

— Вот, Прасковья Евграфовна, моя последняя работа.

Старушка взглянула на полотно, и лицо ее прояснилось.

— Хороша картина! — сказала она. — Лес и поле совсем как у нас. Утром это?

Каптанов утвердительно кивнул головой.

— Только по той дороге, — продолжала старушка, — у нас колхозники ездят в поле на работу, а у вас луго, никого нет. Видно, закладывает с уборкой-то. И шпешница кончится к земле: пора убирать.

Художник исторжился:

— Значит, пора начинать уборку, говорите?

— Пора, пора, Владимир Владимирович. Только солнце пусть попустит шпешницу: утрення роса-то у нас обильная. Подождать надо, а потом — в самый раз.

Каптанов улыбнулся:

— Вы, Прасковья Евграфовна, в колхозе работаете?

— В колхозе, причина я. В поле уже не справляюсь, так переделаю на плтшформе. В прошлом году трудовую медалл мне дали.

Она начала рассказывать о колхозе. Каптанов с интересом слушал.

Оля, ученица художника, к стелле деловую, которую Прасковья Евграфовна встретила в коридоре, уже несколько раз заглядывала в мастерскую.

— Оленька! — вдруг осликнула ее Каптанов, когда девушка вошла в комнату. — Убери же полати! — И добвила с улыбкой: — Пусть подсохнет шпешница, тогда мы за нее возьмемся.

Оля застучала кабулками по полу.

— Заговорил я вас, от работ отрываю, — Прасковья Евграфовна торжественно поднялась с дивана. И словно слыша вопрос с портретом окончательно решенным, спросила: — Приходите-то когда, Владимир Владимирович?

— Что? — рассеянно спросил Каптанов. Дольше замечания старой колхозницы о картине увлекли художника, заставили забыть обо всем.

— За плавнушим портретом, говорю, когда придите? — спокойно повторила она.

— Видите ли, Прасковья Евграфовна, без фотокарточки ничего не получится. Сами понимаете.

— Изменились руками она завернула в пакет орден и письмо, прижала сверток к груди и направилась к дверям.

Художник, чувствуя себя виноватым перед ней, быстро заговорил:

— Постарайтесь отыскать где-нибудь фотокарточку сына. Тогда другое дело...

— Где же ее найдешь? — тяжело вздохнула старушка. — Видно, никто не может помочь моему горю.

— Извините, Прасковья Евграфовна, ничего не могу сделать, — оправдывалась Каптанов. — Очень сожалее, сочувствую вам всей душой, но в каждом деле есть преграда, переплутать через которые невозможно. Со слом портрета не выйдем.

Каптанов проводил ее, пожал руку, извинился еще раз и сказал на прощанье:

— Если найдете где-нибудь фотокарточку Павлуши, обязательно сообщите мне. Потом Каптанов долго стоял у окна. Чувство досады, неудовлетворенности угнетало его. Художник хмурился, барабанил по стелку пальцами.

В этот день он уже не смел продолжать работу и раньше обычного уехал домой.

***

На следующий день художник отправился в мастерскую с твердым решением закончить свою картину.

Перевосшившись в халат, он взял палитру, смешал краски, пошел к мольберту, но только взглянул на полотно, сразу же вспомнил старушку Полегаеву и ее сына. Каптанов сделал несколько мазков, нахмурился и похлопал кистью. В памяти всплыли подробности письма адмирала к матери Павла... И вдруг ему отчетливо представилось будущее море, корабль, охваченный пламенем, и командор Полегаев. Истлевая кровля, стиснутый зубьям, он бьет бьет, бьет по врагу, а за его спиной берега Родины, поля и леса, село, где ждал его с победой старушка-мать, город, где в ту осень, согретья дымными слабими пальцами, Каптанов рисовал военные плакаты...

И Каптанов вдруг почувствовал, что не имеет права отказать Прасковье Евграфовне, не может разрушить ее великую веру в искусство. Он во что бы то ни стало должен написать портрет Павла Полегаева.

Художник встал, нервно прошелся по мастерской, взглянул на часы где же Оля?

Девушка пришла через несколько минут, вежливо поздоровалась.

— Опоздаете, Ольга Николаевна, — недолго сказал Каптанов. — А я жду вас.

— Извините, Владимир Владимирович, но я всегда прихожу в это время, — возразила удивленная ученица. — Теперь буду раньше приходить.

Каптанов заберебанил пальцами по стелку.

— Вы не знаете, из какого она колхоза?

— Кто? — спросила ничего не понимающая Оля.

— Прасковья Евграфовна Полегаева.

— А, та, что приходила насчет портрета? И не спрашивала, откуда она.

— Ну ждите спрашивать. Вообще впрямь интересуетесь людьми.

— Хорошо, Владимир Владимирович, буду интересоваться.

***

Написать портрет Павла Полегаева оказалось гораздо сложнее, чем предполагал художник. Тех скудных сведений о внешности героя, которые он получил от Прасковьи Евграфовны, было далеко не достаточно. Каптанов списался со штабом флота и даже разыскал адмирала, приславшего письмо матери командора, но, кроме новых подробностей его подвига, ничего не узнал.

Тогда Владимир Владимирович навея справки и поехал в село, где Павел учился, а потом работал некоторое время инструктором физкультуры в десятилетии. Директор школы запомнил Каптанова и тотчас же собрал всех учителей. Они очень хотели помочь известному художнику, но фотографии, на которой был бы заснят Полегаев, ни у кого не нашлось. Звонили в районо, но и там не сохранилось личного дела Полегаева.

Извинившись перед учителями за беспокойство, Каптанов, опечаленный неудачей, простился. Директор проводил его до машины.

— Война все перетряхнула, Владимир Владимирович, — как бы оправдываясь, сказал он. — Очень трудно найти, а ведь было у нас фотокарточки Полегаева с учениками, делая фотопортреты о спортивной

жизни школы. Да, вспомни! — воскликнула вдруг директор. — У тети Поли надо спросить. Это вестерная нашей школы, уборщица, — поменяла она.

Через несколько минут директор привела молодую женщину в синем рабочем халате. Выслушав просьбу художника, она сказала:

— Кажется, есть у меня фотографии Павла Полегаева. Хороший был паренек. Дома надо посмотреть.

Каптанов зыботно усадил тетю Поли и директора школы в «Победу», и они поехали на квартиру к уборщице. Дома тетя Поля вытащила из сундука большую папку фотографий. Они долго перебирали их впрямь.

— Есть, — наконец сказала тетя Поля. Каптанов вскинул со стуга.

— Вот он, Павел, — продолжала она, показывая на одного из игроков волейбольной команды, рассматривавшей по плакату. — Тогда наша школа заняла первое место на районной спартакиаде. В тридцать пятом году это было. Работ фототрафикеры прямо во время игры.

Каптанов ничего не видел, кроме фигуры Павла, который стоял в дальнем углу плакатов и поднятими руками, готовый принять мяч.

Тетя Поля с радостью отдала Каптанову фототрафикеры.

Возвратившись домой, Владимир Владимирович внимательно изучал лицо Павла, рассматривая его через лупу, и хотя трудно было представить себе возмужавшим мальчишеские черты, встал за эскизы.

Несколько дней спустя, когда портрет был уже почти готов, художнику принесли заказную багдерлю. В ней оказались дружеский шарж, сделанный неуемлой рукой корабельного художника-любителя на лучшего командора корабля — старшего матроса Полегаева. Павел был изображен богатырем, разбивающим в щепки вражеский корабль пушкой, которую он держал за ствол.

На заднем плане измученный Иппит, вынырнувший из глубин своего царства, поднял трубу и кричал «ура».

В письме сообщалось, что рисунок обнаружен в корабельной стеногазете военных лет, случайно сохранившейся в подполковника союда. По словам моряков, знавших Полегаева, этот шарж довольно верно отображал силу и бесстрашие командора. Портретного сходства рисунок не передавал, за исключением разве характерного очертания губ и подбородка, удачно схваченных рисовальщиком.

БЫЛИНА О САФОНОВЕ

Отрывок из поэмы

Памяти летчика-североморца, дважды Героя Советского Союза, гвардии подполковника В. Ф. Сафопова.

...Одним из гурьбой молодой и веселой
Приехал в гости из Северных флот
Посадец московского комсомола
Восторженный и любящий народ.
И с ним в тупишке с серой олушкой,
В пушистом, засыпанном снегом платке
На мурманском парсе стола старушка
С крестьянским лицом, испуганным

И молча, с молитвой и укором во взоре
Смотрела поверх громадющихся льдин
Туда, где холодное, зимнее море,
Где спит ее кровный, единственный сын...

Гостей посадила на крохотный катер,
Который швыряло легко, как орех.
Немного штурмало... Дорога не скатерть...
То в яму опустит, то выбросит вверх.
Но юным по сердцу такое кипенье!
Глядит, от восторга разинувши рот,
Как прочь уплывает земля в отдаенье,
Как ледовый застывает бортик,
Как море замыкается каюточным паром,
Как белеет в нем фосфора синий пунктир,
Как твердо стоит рядом с башней радара
Суровый, внимательный командир.
Своими носовыми... Ах, вы диву да бровями:
Мама, кто это с вами? Сафопова мать?
И сразу же к ней, словно к собственной маме:

— Позвольте за сына все пожелавать.
И только все пожелать выветит сына.
Также, как он, и ринуть войну!
Морях затянуса табачным дымом
И с грустью взглянула на седую голову.
А катер, как чайка, взлетела над волнами.
Скрипка осыпала. Под-рост задувала.
Крепчайший штурм озорными руками
Железные волны в подковы стигало...
Стола полярная мгла, без рассвета,
Линя склону в zenith мерцаи отни.
И в нем все тут-же ласкового шва,
Должно быть, под цвет корабельной броне...

...В ночь, в тишину знакомых мест
Ворвался какой-то вражий теней.
Повис над полем черный крест,
И тень пересекла границу.
Ева пробила пять часов...
Вот прозвуча, сгинула «К полету».
Сафопова был уже готов
И молча ждал у самолета.
На фоне аловатых туч,
Над пустошью аэродромной
Он был особенно могуч,
Широкоплечий и отрывной.
Еще с земли, издалека
Он угадал, что это «жейлек».
Вот-вот ударит в берега,

Рисунок А. Паукова.

И ринуть камениые стенки!
А может, выдет все не так!
Посмотрим, кто сильней и крепче!
— Контакт!
И сразу —
— Есть контакт!
И самолет пошел навстречу.

Победа долго не давалась.
Фашистский летчик был не прос.
Ни одному не удавалось
Наверняка ударить в хвост.
Тогда, как сталь, напрягли нервы,
Сквозь легкий облачный угар
Сафонов вдруг пошел

На верный,
На стражный любовой угар.

Внизу, под ним, стоапаные люди.
Все, затаиса, смотрели ввысь.
И каждый думал:
«Что с ним будет:

Собьет врага как ружием вниз?»
Глаза застыли в напряженье.
Все громче рос моторный вой...
Машины мчались на сбавжене
С невероятной быстротой.
Однако немец вертикально
(Чтоб самолет остался цел)
Рванулся вверх, и моментально
Ворос поймаи его в прицел.
А все на виду у всей страны
Под тем ударом сокоаным
В жестокий первый день войны
Свалалса первая машина!

...Потом московские газеты
Порядк печатали статей
Про новые его победы,
Про знаменитые бои.
Он шел обычно к самолету,
К своей машине боевой,
Как алки ходит на работу,
В цеха завода и в завод.
Была еще иная слава
У летчика среди врагов:
Пилоты вражеской державы
Не сажали с ним места боеи!
Они меняли курс, не споря,
А он летел им всад... и вот
В сраженье далеко над морем
Сбиа двадцать пятый самолет!
А сын он был неубогаемым,
Его никто в бою не сбиа.
Когда дурал оделса дымом,
Он пламя ветром погасил.
С оскомом в раненом моторе
Он воя машин, как лавин.
Но под крылом лежало море...
Седое Баренцово море —
Безбрежный сумрачный простор...

...Вокруг постаменты венки и знамена,
И аушние люди большого радио.
Врачи, машинисты, курсанты-пилоты;
Военные — представители флота.
Седого оратора голос негромкий,
Застенчивый скульптор, стоящий

в створонке,
И поане света глаза молодече,
Которая к поднимат тянется тоже.
Но вот, словно ветер пшеницу раздвинуа,
И мать подошла к знаменитому смену.
Глядит на густые знакомые брови,
На грудь его, дышащую здоровьем.
Но сердце настоячиво шепчет с угрозой,
Что шекн из бронзы, и брови из бронзы,
И плечи широко, будто бы крылья.
На шумном заводе из бронзы отклали,
Безмерное горе схватило за горло,
Но мать не всплакнуа, слезы не утерла,
И только лавочком из серой саринки
С льняного шалема сматнула снежинки,
Сухими глазами окинула митинг.
— Сыны мои...
Зорче страну берегите!

Каштанов изобразил Павла Полагаева в матросской форме, в бескозырке, с орденом Отечественной войны на груди. У командира было несколько орденов и медалей, но Каштанов умышленно нарисовал только тот, который хранила мать. За спиной моряка синело море. В небе кружились грозные облака. Павел смотрел прямо перед собой, смея и спохом был взгляд его чуть прищуренных глаз.

В тот день, когда должна была приехать Прасковья Евграфовна, Каштанов почти не работал. Несколько раз он бросался за кистью, но так и не сдвинул ни одного мазка. Снова и снова подходил он к портрету, спохому на мольбитель, и как-то жестоко поглядывал на него. Тревожное чувство не покидало художника. Он часто посылал Оля

сбегае посмотреть, не идет ли Прасковья Евграфовна. Волнение Владимира Владимировича передавалось и девушке. Она то и дело без надобности расплаивала свои рукава-фонарики, внимательно осматривала углы мастерской, проверяя, все ли в порядке.

Наконец Оля стремительно встала в мастерскую и прерывистым шепотом сообщила:

— Идет!
Каштанов поспешил к выходу, но Прасковья Евграфовна уже открывала дверь.
— Здравствуйте, Владимир Владимирович!

Художник что-то невнятно промормотал и, торопливо взяв ее за руку, повел к портрету.

— Вот, Павел... как мог, написал...

Прасковья Евграфовна взглянула на портрет и замерла, веря и не веря своим глазам. Каштанов, чуть наклонившись вперед, Прасковья Евграфовна на нее. Она стоала, не шевелился, затаяв дыхание. Потом протянула дрожащие руки к портрету:

— Сыночек, родной!

Прасковья Евграфовна долго всматривалась в портрет сына, окинула черты и вдруг припала моришнейшей щечкой к широкому раме.
Каштанов вздрогнул. Ему стало душно, и он резким движением всталугол ворот рубашки. Прасковья Евграфовна выпрямилась и, повернувшись к художнику, низко-низко поклонилась. Каштанов, не видя ни растерянно улыбающейся Оли, ни Прасковьи Евграфовны, тоже низко поклонился матери героя.

В. И. ЧУЙКОВ,
генерал армии, дважды Герой Советского Союза

О ДВИГЕ И СЛАВЕ

Что такое подвиг? Я не думаю, чтобы нашелся молодой человек, который не мечтал бы о подвиге и славе. Это свойственно каждому, и особенности в юности. Но не каждый ясно представляет себе, в чем же состоит истинный подвиг.

В древней Греции жил один человек по имени Герострат. Он ничем не выделялся среди других людей, не имел способностей или талантов, но страстно хотел прославиться. И вот этот грек ночью поджег прекраснейший храм, который и сгорел дотла. Герострат прославился. Но как? До сих пор его называют «безумным Геростратом». Именно безумным было его поступок, так как Герострат не только не принес людям пользы, но причинил им вред, уничтожив то, что было создано руками умелых мастеров.

Вы, конечно, помните из рассказов Максима Горького и чудесную легенду о Давко. В ней говорится о людях, искавших выхода из иррационального леса и являвших болот. Они не видели в темноте дороги. И тогда юноша Давко вырвал из своей груди сердце, и оно, как факел, осветило им дорогу. Юноша погиб, но люди вышли к свету, к солнцу. Давко отдал свое сердце ради того, чтобы жили сотни других людей, и благодарный народ сложил легенду о его героическом подвиге.

Приведенные здесь примеры ярко показывают, что настоящий подвиг, подлинная слава рождаются не стремлением прославиться во что бы то ни стало. Их рождает любовь к человеку, к народу, к своей Родине, преданность великой идее. Если человек обладает высокими моральными качествами, то никакие трудности никогда его не заставят врасплох. Он всегда будет способен совершить подвиг.

В моей памяти не угасают подвиги советских воинов — первых сынов Родины, вставших грудью на защиту Сталинграда. Приказ Верховного командования был краток: «Оборонять Сталинград, не допустить захвата его противником».

Тогда защитники города сказали:

— За Волгой для нас земли нет. Будем стоять насмерть! Чисто спрашивается: сколько вражеских танков приходилось отбивать сталинградцам в день? Сказать десять или двадцать было бы неправдой, это был сплошной, непрерывающийся бой. От разрывов снарядов и мин, от грохота бомб содрогалась земля. Рушились здания с железобетонными перекрытиями, обваливались блиндажи. Дым пожара и клубы пыли превращали день в ночь, и померещенные солдаты бесцельно бродили по окрестностям гигантское поле битвы. И все-таки гвардейцы Сталинграда выстояли, победили. Они совершили великий подвиг, который сложился из огромного множества подвигов, говорящих о величии духа каждого воина — от рядового солдата до генерала. Здесь проявились массовый героизм советского народа, его лучшие качества — чувство коллективизма, товарищества, взаимной выручки, непоколебимости и стойкости.

Хочется привести пример.

Однажды утром после тщательной подготовки финны сосредоточили большие силы и бросили их на боевые порядки зимней батареи. Врагам удалось выдвинуться в пашу оборону. Воду сержанта Лютова грозно окружили.

В самый трудный момент, когда погиб командир взвода сержант Лютов, на огнем позиции взвода пришел Афанасьев, секретарь комсомольского бюро батальона. Сквозь грохот боя он крикнул минетчикам:

— Весь мир смотрит на нас! Комсомольцы, будьте примером мужества и стойкости.

Он сам вместе с оставшимися минетчиками вел огонь по позициям наступающих гитлеровцев, организовав крупную оборону.

— Славасти! — кричали ему финны.

— Комсомольцы в лавы не входят! — отвечал Афанасьев.

Так сражались комсомольцы под Сталинградом. Так сражались советские воины на всех фронтах Великой Отечественной войны.

Мне не раз в те дни приходилось смотреть в глаза идущим почти на верную смерть. Но ни у одного из этих людей я не видел ни страха, ни колебаний. Они смело шли на выполнение самых трудных боевых заданий, зная, что они защищают самое дорогое — свою советскую Родину, своих матерей и отцов, братьев и сестер. Коммунистическая партия, комсомол воспитали в них мужество, смелость, бесстрашие, гордость, преодолеть самые тяжелые испытания во имя Родины, во имя народа. Ясно, что такие люди всегда способны быть на подвиге. И, как правило, эти люди побеждают.

«Как же говорить себя к подвигу? Как воспитать свою волю?» — задает вопрос молодые люди. Готовых ответов на этот счет нет. Мне хотелось бы сказать только несколько замечаний.

В жизни ничто не приходит само, ничто не дается без труда. Храбрости надо воспитывать в себе и в своем деле, лишь тогда она будет, как говорится, «в крови у человека». Если юноша или девушка растут неженками, не закаляются, боятся трудностей, вред из их таких тепличных растений выйдут храбрые, смелые люди. Для воспитания в себе таких качеств, как храбрость, мужество, смелость, большое значение имеет физическая закалка. Но не только в ней одной дело. Следить еще не есть храбрость, но хотеть, чтобы храбрость была сильна. Это ему поможет совершить подвиг.

Настоящий герой должен обладать исключительной силой духа, поэтому наряду с физическими качествами надо развивать, совершенствовать качества моральные — честность, благородство, верность долгу, бесстрашие.

Конечно, чувство страха в какой-то мере свойственно каждому человеку, оно основано на инстинкте самосохранения. Все дело в том, как сумеет человек перебороть, преодолеть в себе это чувство.

Смелого пуги боится.
Смелого штаны не берет.

Поется в известной песне военных лет. Эти слова крылатыми стали недаром: они подтверждены самой жизнью.

Мне приходится на память один эпизод из времени гражданской войны. Беловоградский штурм на штурм несли членивской атакой. Немало у бойцов скапливалось сердце от страха. Красноармейско-пулеметчик никак не мог заставить пулеметную ленту: у него руки дрожали. Да если бы он и начал стрелять, только зря бы потратил патроны: враг был еще далеко. Тогда командир, видя это, сплоснул сца на кожу пулемета, свернул штырку, закрутил. Его спокойствие тут же перешло окружающим. В результате подожженные на близкое расстояние боегарады были сожжены пулеметным огнем.

А думаете, командир не испытывал страха? Конечно, испытывал. Но чувство долга подталкивало его, что он обязан воевать в людей спокойствие, уверенность.

Ничто так не дисциплинирует, не сплачивает людей, как пример спокойствия отчаяния.

Мне было 19 лет в ту пору. Я был командиром полка и учил «не класть» снарядом. Если держишь себя в руках, сумеешь держаться в руках и других, а это главная задача командира, руководителя.

Храбрость, твердость духа необходимы человеку в минуты тяжелых испытаний. Проявляются эти качества духа подчас в короткий момент, в мгновение, но подготавливаются всей предшествующей жизнью человека.

Некоторые молодые люди думают, что просить храбрым очень легко. Для этого достаточно грубить старшим, говорить дерзко, иметь вид человека самоуверенного и даже хвальною. Когда эти юноши подрастают, они начинают усматривать особый шик в этаким хукастве, в том, чтобы нагнуться пьяным, выкатывая в уличной скандаль или драку. Это мнимая, ложная храбрость. Накалал и кривился в решающий момент чаще всего оказываются трусами. И, наоборот, тот, кто сдержан, спокоен, скромно, всегда оказывается по-настоящему мужественным человеком.

Не всякая храбрость может привести к подвигу. Бесшабашность не имеет ничего общего с подлинным мужеством, в котором органически сочетаются ясность цели, строгий расчет, твердая уверенность в победе.

Настоящая смелость — это прежде всего дисциплина, умение выполнять приказ точно и в срок. Дисциплина — первый друг храбрости и бесстрашия — ее первый враг. Грози нею тому человеку, который подает примерному грузу под пуги только для того, чтобы отделиться. Подвиг заключается не в том, чтобы, не моргнув глазом, умереть, а в том, чтобы победить врага.

Будучи человеком военным, я здесь больше говорил о военной храбрости. Но бесстрашие, подвиги героев рождаются не только на поле боя, в дни войны. Страна приходит к человеку и в мирное время, в будущем, подчас нелегком труде. Времена для проявления подлинного мужества и отваги далеко не прошли, как это думают некоторые умные «романтики».

Разве это не подвиг — в стужу, в дождь, в дикую жару осушить болота и на вырубленных землях вырастить золотые хлеба? Разве это не подвиг — прокладывать вод землей тоннели для будущего метро? Человек здесь борется с влагунами, с ледяными подземными водами, пробивает гранитные скалы. А сколько мужества проявляют наши строители! Они первыми приходят в тайгу, расчищают площадки для будущих прекрасных зданий, строят заводы, фабрики, гидроэлектростанции, железные дороги, мосты. Бывает, что в тайгу трудно завезти продукты, предметы первой необходимости, не сразу создаются удобства для жизни. Но героический труд строителей Комсомольска-на-Амуре, Магнитогорска, Днепрозеса, Волго-Дона навсегда сохранился в памяти советского народа.

Разве это не подвиг — вся страна узнала о новых героях. Тысячи комсомольцев извильли желание поехать на освоение пелниных и залежных земель. Трудно им будет? Конечно. Может быть, даже труднее, чем мы думаем. Но они проявят мужество советского человека, не сдаться и не отступят. Эти неисследованные поля, неисследованные долины и горы, неисследованные морские глубины ждут своих молодых героев.

Подвиг — это все, что будет сделано тобой для блага человека; аزاریли ли ты нежный стебелек пшеницы или выковал пуг, — все, что ты сделал с любовью для Родины, для ее людей.

Город Запорожье. В часы отдыха во Дворце культуры имени С. М. Кирова. Пратникант-лаборантша Чжао Динлини, инженер Ли Эн-си и комсомолка Лидия Морозова разучивают песню «Москва — Пекин».

Фото Я. Халипа.

Город Киев.

Новые жилые дома на Крещатине.

Фото Б. Игнатовича.

Вид на Днепр с Владимирской горы.

ДМИТРО ПАВЛЫЧКО

ПЕРЕД РАДОЙ

Звезда рассвета мягко гасла,
Крикливых петухов будя,
Навстречу солныну выходя,
Гайда Богдан на Переслав.

Деревьев строй занедевался,
Кудриный снег среди ветвей
И даже купола церкви
Стояли в шапках аркобеалых.

Он думал: «Нынче будет Радя»,
И мысль тревожила одна:
«Старшина... Будет ли она
Московскому посольству рада?»

Покою нет отчины сыну,
Как не гореть его душе —
Не даст он хану и шахе
Московско засветитуть Украину!

Не даст врагам он справить тризну,
Не расхвастается на ней...
Сестры другой, Москвы родней,
Нет и не будет у отчины.

«Не посярним казачкой чести
И отстоим края свои —
Пойдут в грядущие бои
Россия с Украиной вместе!»

Звезда рассвета мягко гасла,
Крикливых петухов будя,
Навстречу солныну выходя,
Гайда Богдан на Переслав.

На что же шум и такую пору?
— Там кто-то требует мена...
Эй, хопец, поводи коня! —
Знает негромким звоном шпоры.

«Стоят кругом простые люди
И преграждают путь ему.
Зачем приехал?
И почему

Их взор как будто ветры студит?»

Не слышно было слов привета,
Никто стремил не целовая,
Народ, расправив грудь, стою
И ждал от гетмана ответа.

Искрился снег белым-бело.
Слова захрипели чубы.
Кобарь, шагнувший из толпы,
Нахмурил кеное чело:

— Мы знаем, гетман, нынче — Радя...
Он ходит саух, зловещ и зюа,
Он-то сюда нас и привел.

Скажи нам, гетман, это правда,
Что у тебя посол сулатана,
Что с басурманом хочешь ты
Сюко позорный завести?

Поводя правую бок обманя!

Ты друг врагов? Ответь нам, Хмева,
Иль застывает очь дум?
Но мы в ярмо не отдадим
Украиной золотую земал!

С народом русским мы едины, —
То голос сердца, не слова, —
И воля наша такова:
Объединиться с ним отныне!

Он жалко слушала речи эти,
Лодья река текла, текла,
Товар угрмвая росла...
Богдан народу так ответил:

«Как вы видите, так и будет... —
Иль сонная, что не он один
И не боирин Вутурдин
Собьют навек народну судьбу.»

Тут булавка его, сверкая,
Под небо круто поднялася, —
То гетману передавша
Народа сила моладя.

Авторизованный перевод с украинского
Александра ТВЕРСКОГО.

Флорин Неуванюк читает письмо из Польши Наташе Шшицкой и Музе Залевской.

Д Р У З Ъ Я

Он шел по улицам Киева, держась за руки. Весеннее солнце слепило глаза. Небо, глубоко, как море, было чисто, и только там, где оно сливалось с землей, пеннлись белые облака.

Их было трое — трое друзей, студентов Киевского государственного университета: украинка Муза Залевская, русская Наташа Шшицкая и поляк Флорин Неуванюк. С Владимирской горки далеко было видно Приднепровье — безбрежное, прозрачное. Лишь над рекой, освободившейся от ледяного покрова, клубилась легкая дымка.

— Красиво! — тихо сказала Наташа.
— Чудно! — в тон ей промолвила Муза.
Флорин несколько минут задумчиво смотрел вдаль, потом негромко стал читать свои стихи на родном, польском языке. В них говорилось о новой жизни его родины, о большой дружбе между народами Польши и Советского Союза.

Девушки, затаяв дыхание, слушали эти искренние стихи...

«Они стали друзьями пять лет назад. В первый день учебного года, перед занятиями, в большом университетском здании стоял разногласный гул. Студенты толпились в коридорах, разыскивали свои аудитории, громко разговаривали друг с другом. Старосты групп высклакивали фамилии: кому-то предлагалось срочно выйти в комитет комсомола, кто-то уже вытеснял объяснение с приглашением записываться в кружки художественной самодеятельности...»

«Доски с расписанием занятий плотной стеной стояли студентам. Сквозь эту толпу с трудом протиснулася высокая девушка. Приподнявшись на носки, она заглядывала туда, где среди множества наименований факультетов и групп можно было прочесть: «Филологический факультет, Русское отделение». Тула же смотрела и другая девушка. Они почти коснулись друг друга и одновременно повернулись...»

— Вы тоже ищете филологический? — обрадованно спросила высокая девушка. — Как вас зовут? Вы откуда?»

— Я киевлянка, зовут меня Музой. А вы?»
— А я Наташа, с Урала. Давайте искать нашу аудиторию вместе...»

Боясь потерять друг друга в толпе, девушки торопливо направились по коридору. В аудитории села за один стол. Через неделю у них уже было множество знакомых, но они по-прежнему на лекциях сидели всегда рядом. С этих пор началась их дружба. Вместе они

повторяла пройденный материал, вместе ходили на консультации, на двоих брали учебники и книги в университетской библиотеке.

Так познакомилась киевлянка Муза Залевская, как-то невзначай делала сообщения студентам, а с нынешнего дня в их группе будет учиться новый студент — товарищ из Польши, Нювачок стоял посреди аудитории, низкорослый, в туфловых башмаках, а длинном, неприличного для нас поворота пальто. Слушавшись под множеством взглядов, он смотрел сквозь стекла очков, отыскивая свободное место.

Муза и Наташа, сидевшие как всегда рядом, потеснились, приглашая новичка сесть. Так познакомилась киевлянка Муза Залевская, уральская девушка Наташа Шшицкая и сын польского рабочего из города Жиев, Краковский воеводства, Флорин Неуванюк.

Неноселившая, подвижная Наташа не в силах была дождаться перемены и тут же забросала Флорiana вопросами. Тот листал небольшой словарь, с трудом отыскивая нужные слова, и на бумажке писал ответы.

В этот же день они втроем пошли осматривать Киев. Муза рассказывала Яну — так называли Флорiana девушка — о родном городе, показывала исторические места — Софийский собор, памятник Богдану Хмельницкому... Беседа шла оживленно и весело. Девушки звонко смеялись, радуясь первым успехам Флорiana в русском языке, и сам он улыбался, повторяя за ними незнакомые слова: «Крепатняк», «мо-ло-деж», «друж-ба»...

Наташа и Муза, не жалея сил и времени, помогали Яну изучать русский и украинский языки. Они часами занимались, вместе читали книги, ходили в театр, в кино. Учеба давалась нелегко, но Флорин учуно, день за днем обогащал свой запас слов. Теперь он уже может разговаривать без словаря.

В своем очерке, Флорин помогал девушкам изучать латынь и польский язык. Софас, будучи студентами нового курса, Наташа и Муза свободно читают польских авторов в оригинале. Собираясь втроем, друзья разговаривают по-русски, по-украински, по-польски. Им пишет стихи на польском языке, и девушки не только первые читают их, но и истинные критики.

Осенью комсомольцы филологического факультета едвали в подшефный союз «Иваноградль». Отдыхая во время работы Наташа и Муза вдруг обнаружили, что Флорин нежно. Его не было довольно долго. Наконец он появился с запятой книжкой в руках и, улыбаясь, стал объяснять:

— Понимаете, девочка, все осмотрел, обо всем распоросил. Ведь когда напишу отцу, то был в союзе, он обязательно потребует подробного рассказа. Его избранны секретарем Павлович рад и радостен. А в райбюро сейчас уже организовано несколько сельскохозяйственных кооперативов... Мне отец сказал: «Запомни, что жизнь в Советском Союзе — это самый большой и самый важный университет».

Флорина часто получает письма от родных и всегда делится с девушками всеми новостями. А новости эти замечательные. Отец Яна пишет о том, как преобразуется жизнь в новой Польше, как в некогда бедном горном районе страны людям с каждым годом становится лучше жить. Возвращаясь после летних каникул из Польши, Флорина рассказывает о своих впечатлениях. С каждым приездом он становится все веселее и радостнее: народная Польша, ставшая на пути строительства социализма, крепнет и расцветает. Никогда не забывает Ян о своих друзьях — обязательно привезет им по подарку. В последний раз он подарил Музею юные любовные провозвещения Шопена. А девушки послали в Польшу брата Флорины — офицера, изучающего русский язык, — книга русских писателей.

Киевский государственный университет имени Т. Шевченко славится своим коллективом художественно-самодеятельных. С первых же дней работы Натанша и Муза — незаменимые участники ансамбля народной песни. Этот ансамбль выступал в колхозах, на промышленных предприятиях, в учебных заведениях, даже в студии телевидения. В прошлом году ансамбль побывал в Москве, где показал свое мастерство студентам МИГУ и работникам искусства столицы.

— Тебе, Ян, не следует отвечать от друзей, — сказала как-то Муза. — Поступай в наш ансамбль.

— Я бы с радостью, да только вышек народных песен не знаю. Вот если бы полюбиле...

Эта мысль поправилась студентам. В университете учится молодежь из Румынии, Албании и других стран народной демократии. Было решено включить в репертуар ансамбля народные песни этих стран. Так и получилось, что украинцы, русские, белорусы разучили песни Польши, Румынии, Албании, а посланцы этих стран теперь не уступают своим совет-

ским друзьям в исполнении привольных русских песен, мягких, душевных украинских колысок и веселюк.

Беремя в свободное время, студенты часто собираются вместе. Крете Натанша, Муза и Флорина, приходят украинки Гляля Дудин-

ченко и Ваяла Барановская, румын Константин Унгур, албанец Костадин Бахкуа, белорус Владимир Корткевич. Друзья говорят о литературе, делится впечатлениями о новых спектаклях, мчатся от души и говорят тем же жаркие споры. Сейчас у Флорины, Музы, Натанши и их друзей горячая пора — подготовка дипломных работ. вновь они помогают друг другу. О том, что их волнует, чему отдают они свои знания и конспекты книг, говорят тем же дипломом. Неувяжким шнуром политического сатира Владимира Маяковского. Острое слово поэта поможет ему бороться против капиталистических пережитков в новой Польше. Шинкалова решила посвятить свой труд изучению сатиры и юмора великого русского писателя Н. В. Гоголя. Залеская готовит работу о прославленной публицистке Илии Зренберг.

«Солнечным весенним днем друзья любовались с Владимирской горой широко раскинувшимся Приднепровьем. Влажный ветер, наполненный запахами нагретой земли, шевелил их волосы. Когда-то здесь, на этих просторах, насмерть билась предки Музы Залеской и Натанши Шинкаловой с предками Флорины Шинкалова. Но народная была врагидея Польские крестьяне так же нещадно полагались мягатов и шлыту, посаженных на украинские и белорусские земли, как русским и украинским хлеборобам было невзвистанна царь и помещик-крепостник, пытавшиеся поработить Польшу! Народ всегда стремился жить дружно. Эта дружба еще больше окрепла сейчас, когда польский народ по примеру трудящихся Советского Союза сбросил свои капиталистические и стал на путь социалистического строительства».

Флорина читал стихи по-польски, затем вдруг переключил на украинский язык и заканчивал их русскими строками. Друзья крепко держались за руки, и девушки вместе с Яном поперли особенно являющиеся им всем слова Маяковского:

Let до ста
Нам в раси
без старости.

Дружба, рожденная молодостью, никогда не стареет.

г. Киев.

К. КУДИЕВСКИЙ

Г. ПАВЛОВСКИЙ Переправа

Дождил сентябрь над плаваниями Днепра,

Была разбита в щепы переправа.

И габуцины с самого утра

Пахали и кромали берег правый.

На нем, на крутобоях, вдоль реки,

На обгоревших оселках высоток,

В габуках блиндажах и крепких

дотях

Засели недобитые враги.

А мы в песке на левом берегу.

На ахляках, сзади нас, пожара.

И там, где плавала в дыме Переправа.

На раду командиры собрались.

Шла ночь, в окошках все,

и где-то близко

Бродячий шестипольский грохотал.

Мы не дремали: набивали в диски

Различий насмерть, яростный металл.

И на рассвете каждого из нас

Поинял в атаку волевого приказ.

И мы поехали под проливным огнем

На правый, крутобоях, — патролом!

Плота... Паромы... Запыли батарей...

Пехота впадала туда пустилася сразу.

И Днепр сиял, встречая сыновей

Сибири, Подмосковья и Кавказа.

Напл полх героев: украинский брад!

И вел нас в наступление неустанно

Немного походивший на Богдана

Нам «баты» —

сталинградский генерал

г. Сталинград.

ТИРАНА ВЕСНА

Ю. ЕГОРОВ

портретист

Ранней весной этого года наш экипаж получил неожиданное задание: вместо обычного рейса нам приказали вылететь в Тирану.

В автобусе, по дороге в аэропорт, просматривая газету, я прочитал сообщение о стихийном бедствии на севере Албании. Там днем и ночью на города и села обрушилась сухая, колючая пыль. Высота снежного покрова достигала четырех—пяти метров. Горные районы оказались отрезанными от внешнего мира.

Союз Общества Красного Креста и Красного Полумесяца СССР направил в Албанию продовольствие, медикаменты, теплую одежду для бедствующих горцев. Наш экипаж должен был доставить туда этот груз. И вот тяжело нагруженный транспортный МиГ-12 оторвался от взлетной дорожки военного аэродрома, поднимается в воздух и ложится на курс.

Командир корабля Калинин внимательно следит за работой второго пилота Виктора Скумалева. Штурман Тихонов погружен в расчеты, а наш парторг бортмеханик Милованов еще раз осматривает расположенный в кабине груз, проверяет крепления. Этакая самолета достигла полетной высоты, связалась с аэропортом, даю время вылета и своей посадки. Вдруг в наушниках слышу выговор. Как по полдню можно узнать название человека еще издалека, так мы, радостно по кружке безобидно споря, вдруг друг друга в эфире. Оказалось, встречным курсом

идет пассажирский самолет из Будапешта. Мой товарищ Алексей Романютик, бортрадист встречного экипажа, интересуется мной: — Москва солнце, сообщайте ему... А у тебя?

— Будапешт облачно... Идем аслетую. — Это плохо — в Будапеште у нас плановая посадка для заправки горючим. Но что делать!

— Давать меняться? — в шутку предлагает Романютик.

— Согласен, — отвечает он. — Менюю облачно на солнце, даем снегпад в приду! За эту епидурду штурман награждает меня таким взводом, словно в плохой погоде на трассе виноваты один бортрадисты.

«От Москва до Адриатического побережья метеорологические условия менялись непрерывно. Не всякий летчик согласится лететь в такой обстановке. Но что значит нелетная погода для нашего экипажа, все члены которого налетали свыше миллиона километров! В Тирану мы прилетели поздно вечером. Раннее утро второго марта уже встречали не земной Народной Республики Албании.

Над Тираной встает солнце. Утренняя прохлада сменяется приятной теплотой наступающего дня. Со стороны моря доносится аромат расцветающей мимозы, издалека слышится ровный шум моря... Весна! Но на севере, в албанских Альпах, еще лежит снег, несомненные поселки скотоводов занесены сугробами. Снег засыпал пороги и тропинки, млекопитающие испытывают острую нужду в про-

дуктах питания, медикаментах и спичках. Там, в горах, днем и ночью идет напряженная, героическая борьба с зносами. Партийные, молодежные и другие организации проводят огромную работу по оказанию помощи пострадавшим, солдатам Народной армии днем и ночью расчищают горные дорожки».

Не аэродроме мы беседуем с майором албанской авиации Ниса Ходжия — представителем Государственной комиссии по борьбе со стихийными бедствиями в северных районах Албании и по оказанию помощи населению этих районов. Ниса Ходжа, знакомая нас с обстановкой, спрашивает, можем ли мы вылететь завтра. Но мы решаем несли полеты в горы сегодня.

Воскресного самолета быстро укладываются парашютные мешки с мукой, солью и сахаром.

Вскорев взлетаем. Девая кругу над аэродромом, Калининский набирает высоту в три тысячи метров. Самолет идет курсом на районный центр — городок Кукек.

Под нами острокопанные нарморложенные скалистые горы с темными провалами снежных ущелий. Вдруг слышу голос штурмана:

— И в самом деле, строго по курсу ясно различим сигнальные кресты и темные полотноны, разложенные на снегу небольшого плато. О нашем полете, наверное, сообщили по радио, и нас видят...

Мы в партерном Миловановым занимаем места по рабочему расписанию. Наша задан-

ча — по сигналу штурмана быстро сбросить мешки за борт.

Калиновский, видимо, решил идти на снижение. Самолет резко кренит на левую, левый гор стремительно вырывается, и вот мы уже снились до пятисот метров. Летим в узком коридоре гор. Под нами — снежная лента ущелья, а справа и слева мелькают отвесные стены скал.

Сигнал! Мы с Миловановым быстро выдвигаем мешки, и едва последний из них падает в отверстие люка, как машина снова идет вверх. Лежа на полу и заглядывая в люк, я пытаюсь определить результаты попадания груза. Но на ярком освещенном снегу едва видны крохотные фигурки людей, вернее, их тени.

Позднее, в Тиране, мы узнали, что все мешки легли кучно в расположении города и без потерь...

Вечером, немного усталые едем с аэродрома в город. нас сопровождает молодой албанец Пал Никола — синоптик тиранского аэропорта. Он с увлечением рассказывает нам, как за последние годы изменилась столица Албании. Еще два года назад в Тиране почти не работал водопровод. Вода подавалась на два — три часа. Энергии маленькой электростанции не хватало даже на бытовые нужды. Улицы были плохо освещены, лампочки в домах горели исплохивая. Теперь на горном озере построена мощная гидроэлектростанция, полностью обеспечивающая светом и водой население и промышленность столицы.

Проезжаем целые кварталы новостроек. Перед нами открывается панорама расширяющихся садов. На фоне темных гор ярко выделяются освещенные фасады вилл и дорцов, превращенных теперь в дома отдыха и санатории для трудящихся.

— Наша история! — говорит Пал Никола, указывая на ярко освещенные здания. — Это резиденция бывшего короля Зогу и его министров. Если бы сейчас у власти были они, нашим людям в горах пришлось бы плохо. Ничего и не подумай об этом!...

Улыбаясь, он добавляет: — В народе ходит такая шутка: король вылетел из Албании, а сел в Египте... Недавно Зогу судили в Египте за какие-то механизмы — повисла Николая нгу спол.

В напряженной работе, в полетах незаметно прошла неделя. Вот уже пятнадцатый по счету вылет. Летим к Шкодеру — городу, расположенному высоко в горах, на берегу озера Скутар.

Накануне мы подробно ознакомились с характером местности. Шкодер расположен на

На тиранском аэродроме в самолет погрузили парашютные мешки с продуктами.

две «чашки, окаймленной зубчатыми стенками отвесных скал, вершинами которых достигают дух с лишним тысяч метров высоты... Калиновский отмечает, что этот полет будет, пожалуй, одним из самых трудных. Будем сбрасывать мешки с высоты трех тысяч метров и без парашютов. Точность должна быть предельной.

Но выдержит ли мешки? Наш командир за годы Великой Отечественной войны накопил богатый опыт: в то время он летал во вражеской тыл, снабжал партизанские отряды. Правда, в партизанских районах самолеты, как правило, разгружались с высоты, не превышающей пятисот метров. Но Калиновский уверен, что задача будет выполнена успешно. — Мешки с продуктами надо заныть в дополнительные, более просторные, — говорит он. — При ударе о землю тень первого мешка, безусловно, разорвется, но второй останется цел.

Такое приспособление в свое время придумали белорусские партизаны. Их опыт нам теперь пригодится.

На этот раз с нами летит албанский кинооператор. Пока я помогаю ему закрепить в кабине съёмочную аппаратуру, Тихонов, руководствуясь картой и, как мне всегда кажется, особым штурманским чутьем, выводит самолет точно на Шкодер.

На две глубокой каменной «чашки» в освепительном блеске снега едва видны кварталы улиц. Наземной связи с городом нет, и потому нам прилет для его жителей явился полной неожиданностью.

Делаем разворот, и один за другим вниз летят мешки с мукой и сахаром, а для самых маленьких жителей города — апельсин в специальной упаковке.

Мы работаем с таким увлечением, что кинооператор, глядя на нас, оставляет свой аппарат и начинает помогать...

За девятнадцать дней работы в Албании мы совершили 25 вылетов, сбросив 64 тысячи килограммов различных продуктов питания и медикаменты.

Связи с большинством горных районов нет, но народная молва, подобно выстрелу охотника, равномерно горным эхом, молниеносно разнесла по всей стране весть о самолете, который послан в Албанию советским народом.

Когда мы окончили нашу работу, нас пригласили в Государственную комиссию. На этом приеме нам рассказали, что за время нашего пребывания в Албании в Тиране пригласили целые делегации трудящихся с просьбой прислать к ним в гости самолет советского самолета, прилетевшего из дружественной Москвы.

В газете «Зери и популлит» было напечатано письмо албанцев, в котором говорилось: «Темнош, которую оказывает нашему народу советский народ в борьбе с постигшим стихийным бедствием, — это помощь друга и брата, который никогда не оставляет нас в беде... Все сыны и дочери Албании принимают эту помощь как выражение братства и искренней дружбы».

— Равним солнечным утром мы покинули гостеприимную Тирану.

Наши многочисленные новые друзья, тепло проводя, желали нам счастливого курса и прощали не забывать их.

Пал Никола, преодолевая смущение, вручил нам свое стихотворение, написанное им специально в честь советских летчиков.

— В знак дружбы, — сказал он, — помолдав, добавил: — Многие молодые албанцы мечтают попасть в Московский университет имени Ломоносова. Мы знаем, что это самый большой и лучший университет в мире.

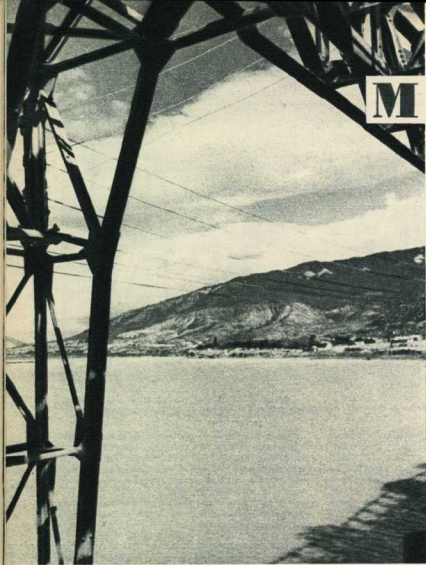
Старт. Прощальный взмах флажка стартера, и наш самолет берет курс на Москву.

Мы гордимся тем, что и наш скромный труд послужил делу укрепления дружбы народов.

Накануне самолета над Шкодером. Делаем разворот, и один за другим вниз летят мешки с мукой и сахаром, а для самых маленьких жителей города — апельсин в специальной упаковке.

МЫ СТРОИМ!

и лучиной. А Ленин виделось / море электрических огней.

Он говорил: «Коммунизм — это есть Советская власть плюс электрификация всей страны».

Слова эти стали для советских людей программой работ.

План ГОЭЛРО уже давно перевыполнен во много раз. По сравнению с 1921 годом, когда мы приступили к электрификации страны, выработка энергии в 1952 году увеличилась в 234 раза! Иркутские электрогидроэлектростанции задела наши города и села. Ажурные мачты высоковольтных передач прочно вошли в пейзаж нашей Родины.

Но каждый раз, когда мы думаем об успехах, достигнутых нашей страной за годы пятилеток, мы вспоминаем двадцатый год, заседание в Большом театре, карту, на которой всматривали разрозненные кружки. Хотелось сравнить ее с картой сегодняшней. Тогда становится очень хорошо видно, с чего мы начали и чего достигли. Какой колоссальный мы сделали скачок!

Фото Я. Халипа.

И все же советские люди не успокаиваются на достигнутом. Владохновенные Коммунистической партией, они вкладывают всю свою энергию в борьбу за выполнение нового плана социализма — плана ясной пятилетки, предусматривающего дальнейшее развитие электрификации страны. И то, что вчера еще было мечтой, сегодня встает перед нами замечательной явью. Кажется, совсем недавно мы ждали, когда даст первый ток Цимлянская ГЭС. А теперь она уже в списке действующих. Вступили в строй Усть-Каменогорская и Мингечуркская...

Но самые большие дела, самые большие дерзания впереди.

Строится Куйбышевская, Горьковская и Сталинградская ГЭС.

Строится Новосибирская, Ангарская, Бухтарминская, Нарская, Каховская, Камская электростанции.

Шум строек ясной пятилетки слышен и в надматущей Волгой, и «на дилом берег Ирты-

ша, и в тайге под Иркутском, и у знаменитых Нарских водопадов, под стенами крепости Иватород.

Пройдет несколько лет — и там, где сейчас высятся стрелы подъемных кранов и шагающих экскаваторов, поднимутся гигантские плотины.

Мощность только двух волжских ГЭС — Куйбышевской и Сталинградской — почти в 2½ раза превзойдет мощность тех районных ГЭС, которые проектировались в плане ГОЭЛРО. Восемь крупных гидроэлектростанций будут ежегодно давать стране более 22 миллиардов киловатт-часов электроэнергии. Это означает постоянную экономию около 11 миллионов тонн домашнего топлива.

В создании строящихся гидроэлектростанций особо выделяется Ангарская (Иркутская) ГЭС. По количеству вырабатываемой электроэнергии она превзойдет Днепротэс более чем в 2 раза. Эта ГЭС явится родоначальницей целого каскада электростанций. Недаром рядом со словом «Ангарская» мы ставим в скобках: Иркутская. Это для уточнения, так как ангарских станций будет несколько. По запасам водной энергии Ангара превосходит четыре крупные реки,

Комсомольско-молдавская бригада бетонщиков В. Фотина — одна из лучших на строительстве водосливной плотины Камского гидроузла. Она выполнит задание на 150—200 процентов. И с ним и к с: бригадир В. Фотин (слева) и старший мастер В. Шалаев.

...Это событие хорошо описано Алексеем Толстым в романе «Муроме утро». Вспомните: двадцатый год, Москва, в холодном зале Большого театра люди слушают доклад Г. Крижановского о плане электрификации России — ГОЭЛРО. В глубине сцены — карта страны, покрытая разноцветными кружками.

Указка докладчика скользит по карте, останавливаясь на будущих энергетических центрах, в кружки, как звезды, ярко вспыхивают в сумраке огромной сцены. Чтобы осветить эту карту, понадобилось сосредоточить всю энергию Московской станции, «даже в Кремле, в кабинетах народных комиссаров, были выключены все лампочки, кроме одной — в шестинадцать свечей!»

Грандиозная, захватывающая картина будущего развертывалась перед людьми. ГОЭЛРО — это план, охватывающий земную поверхность. За окнами Кремлевского дворца, где работал Ильич, лежала страна, с гремом пологам освещенная керосиновой лампой, а то

взятые вместе: Волгу, Каму, Днепр и Дон Энергетико-проектировщики считают, что Сибирская река может дать больше энергии, чем производят сейчас все электростанции Франции, Италии, Швеции, Бельгии, Голландии, Испании и Дании.

На нижнем судоходном шлюзе Куйбышевской ГЭС ведется монтаж арматуры.

Пастель А. Куприн в одном из своих расказов металод том времени, когда электрические провода будут соединять самые отдаленные уголки земли, когда энергия этой огромной сети повсюду облегчит труд человека. Он считал, что это произойдет в ХХ веке... Но наша советская действительность с невероятной быстротой сократила расстояние меж-

На стройке Каховской ГЭС. Дев с половинной — три марки в сумку выполняет электромонтажные работы Юрий Гоцулинский и комсомолец Сибрат Киссов.

ду фантазией и реальностью. Мы осуществляем идею единой высоковольтной сети уже сейчас, а ХХ веке. В эту сеть войдут электростанции Центра, Волги, Сибири и других районов страны. Таким образом, будет создана единственная в мире до своим грандиозным масштабам энергосистема.

Каждый год, каждый день мы еще и еще раз убеждаемся в животворящей силе нашего советского строя.

Подлинное создание, осуществление смелых планов, превращение дерзкой мечты в реальность возможны только там, где у власти стоит народ, где торжествуют демократия и социализм.

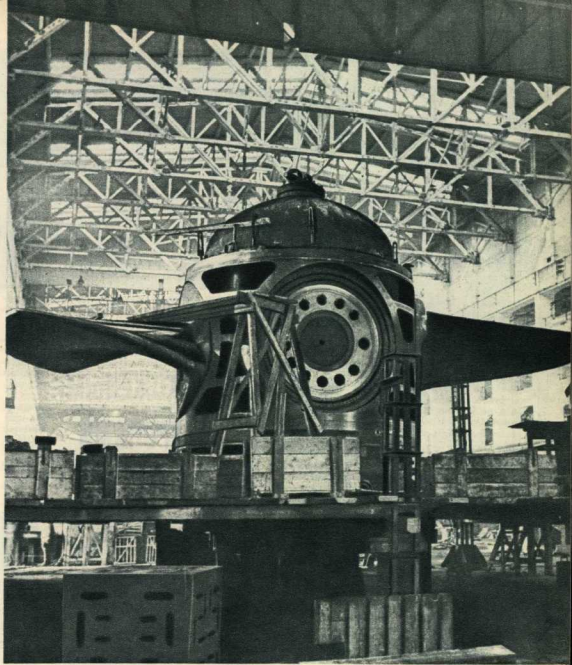
Почти четверть века назад немецкий инженер Герман Зергел опубликовал свой проект закрытия Гибралтарского пролива. Средиземное море, по его предложению, должно быть затоплено от океана дамбой длиной в 29 километров и высотой до 350 метров. При этом стало бы возможно создание морской гидроэлектростанции мощностью 100 миллионов киловатт.

Есть проект орошения Сахары. Есть много других грандиозных проектов. Но в капиталистических государствах смелые замыслы ученых остаются только проектами.

Там, где богата сосредоточены в руках отдельных лиц, а не народа, где действуют волчьи законы капитализма, осуществление широких планов невозможно.

За последние десять лет в бассейне реки Миссури было 95 больших наводнений. Во время последнего из них более полумиллиона жителей штатов Миссури и Канзас лишились хлеба и крова. Не раз составлялись проекты постройки различных гидросооружений на этой реке. Но все они были спрятаны под сукло, ибо угрожал интересам электромонополий Моргана. Это вынуждена признать даже буржуазная газета «Фризонс» сайенс монитор». Она писала, что электроэнергетические компании воспрепятствовали проведению мер по борьбе с наводнениями, опасаясь, чтобы у власти не возникли новые гидроэлектростанции, делавшие энергию которых может привести к снижению баснословных прибылей монополий.

Так было и в старой России. Известно, например, что идея сооружения гидроэлектростанции в Жигулях была высказана впервые еще до революции большевиком Г. Кравченко-Новосильским. Но Жигули принадлежали тогда графу Орлову-Давыдову. Когда в 1913 году стали обсуждать вопрос о сооружении электростан-

Гидростанции на великих реках строит вся страна. Вот одна из мощных турбин, которую монтируют на Ленинградском металлическом заводе имени И. В. Сталина.

ции, управляющий имениями Орлова-Давыдова заявил, что граф не возводит возводить на своих землях такие сумасшедшие постройки!

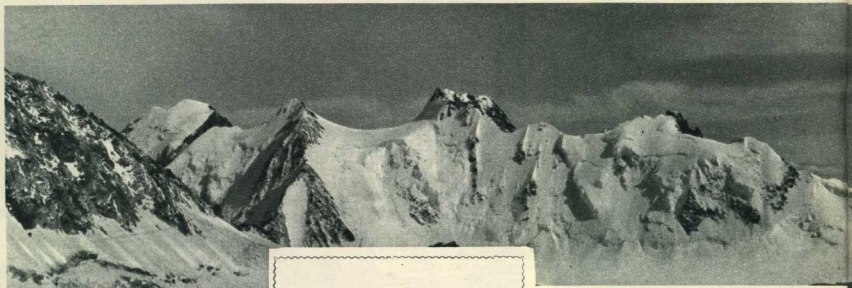
Сколько знает русская история подобных фактов! Можно вспомнить десятки интересных проектов, похороненных в царских канцеляриях, множество талантливых изобретений, долго оставшихся только в чертежах.

Октябрь 1917 года открыл нашему народу

широкие возможности для творческого применения своих сил, и народ начал создавать свой новый, светлый мир радости и счастья. Мы строим заводы и театры, электростанции и жилые дома. Каждый день газеты приносят новые вести со строев пятой пятилетки. Неудивительно по своему размаху программа работ, намеченная XIX съездом партии, успешно претворяется в жизнь.

Зажглись огни Цимлянской ГЭС. Скоро дадут ток и другие гидроэлектростанции.

П. ШВЕДОВ

НЕХОЖЕНЫМИ ТРОПАМИ

Из дневника
туриста

Фото автора.

5 июля. ПОЕЗД МОСКВА — НОВОСИБИРСК.

Вот уже четвертый день, мягко покачиваясь, гулко грохоча над мостами, несется наш поезд на восток. За окнами вагона мелькают деревни, поля и перелески, бежит бескрайняя зеленая ширь с лентами рек и разномыслием оврагов.

Вновь я еду в туристское путешествие. На этот раз на Алтай. В одном купе со мной из Москвы едет врач Виктор Маслов. Он тоже решил провести отпуск в походе.

Завтра в Байкале мы должны встретиться с восемнадцатью участниками нашей группы; они приедут из разных городов.

12 июля. СЕЛО КАТАНДА.

Шестьсот километров от Байска мы проехали на автомашинах по Чуйскому и Уймонскому трактам. Расположились в школе. Больше чем на месяц уведем мы в горы, где нет ни жилья, ни людей. Готовимся к выходу. Нужно заранее все предусмотреть. Дел много.

Вокруг черит оживление, слышатся шутки, смех. Порой кто-нибудь начинает лесной. С самого утра около нас снуют ребятишки — хозяева школы. Иногда заходят колхозники осведомиться, не нуждается ли в их помощи. Ну, конечно, нуждается!.. Начальник экспедиции Елена Алексеевна Казюкова, немая, стремительная в движениях и словах женщина, пристроившись за столом из пустых ящиков, беседует со старожилками, уточняя состояние бродов, троп и перевалов.

Мы упаковываем продукты и снаряжение. Возле нас, размахивая выдвигавшейся полевой сумкой, суетится завхоз Сергей Федорович.

Три Володи из Свердловска — Усталов, Курочин и Худяков — во главе с коноводом колхозником Егором Чувакловым приводят в порядок седла. У крыльца сварщик Уралимашова Гера Волынец и его земляк молодой инженер Жора Леонидов ведут пробную вьючку.

За огородами, в овражке, ленинградские комсомольцы Петин и Юшин обвязывают приведенных к табуна лошадей. Петин держится с достоинством, немного лобуясь собой. Юра Юшин апертаме сел на лошадь, чувствует себя неуверенно, и вскоре доносится его голос:

— Елена Алексеевна! «Соловей» скинул мени!

— Да, кони у нас строгие, — степенно говорит подошедший председатель колхоза и, показывая на плодородную Катандинскую долину, окруженную горными хребтами, он с гордостью добавляет: — На этих пастбищах и гуляют наши табуны!..

19 июля. УЩЕЛЬЕ ТЕКЕЛУ.

Проснулся от боли в боку. Оказывает, подо мной острый камень. Значит, как тынулса головой в рюкзаки, так и проспал всю

реку раскинулась большая поляна. О переходе вброд нечего было и думать: испучившаяся от дождя река неслась, грохоча камнями.

Пожки удобной переправы привели нас к месту, где река, омывая островок, делалась на два потока. Один из них лошади могли перейти вброд, а вот через второй нужно было строить мост.

Стали рубить деревья. На берегу и островке соорудили из камней и бревен мостовые опоры. Работали напряженно. Мокрая одежда, вначале стеснявшая движения, подсохла. Вот, прочертив в воздухе белую полосу, катроновла зарвак с палкой переметал на островок, и под «эй, ухнем!» через реку, зарывався в воду, поползло бревно. Оно почти достигло островка, но поток рванул его с такой силой, что мы едва удержались. Удар толпора по веревке — и бревно, ныряя, скрылось в пене.

Новая попытка увенчалась успехом. Вскоре второе, третье и четвертое бревна легли рядом, соединив берега. Настил из слаг, сучьев и жез делали уже в темноте. При свете фонарей «летучая мышь» начала переправу. И тут снова пошел дождь.

Косая на клокочущую воду, лошади упирались, пятлились назад и никак не хотели ступить на наши инженерные сооружения. Их переводили, держа под уздами и за хвост. А поток дождя был в лицо, слепил, струями бежал по спине, и казалось, ему не будет конца. «Рыжуку» — последнюю, сорок пятую лошадь — мы провели по мосту в одиночку часов вечера. Пока шла переправа, завхоз и доктор рассталив платки. На ко-

ночь, не повернувшись. Ого, уже семь часов! Вылез из спального мешка, распахнул палатку.

Ярко светит солнце. Только капли воды, радужно искрившись на траве, да полупрозрачные клубы испарений напоминают о вчерашнем ливне.

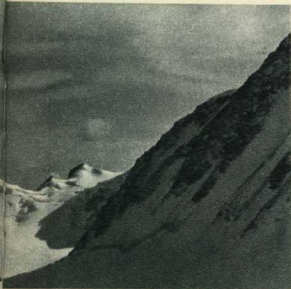
Вчера, когда мы прошли хребет Серыбель и по зарослям мелких лиственниц несли крутой спуск в ущелье Текелу, пошел дождь. По тропе, размытая землю, побежали мутные ручьи. Лошади спотыкались и падали.

Уставшие и промокшие до нитки, мы сошли вниз, к реке. Дождь перестал. Приблизился вечер, но расположиться на ночлег мы не могли: на каменистом склоне не было корма для лошадей. Зато на другом бе-

С севера на юг Алтай пересекается Чуйским трактом.

стре под огромной ливневницей сварил кашу. После ужина забрался в палатки и не слышал, когда кончился дождь...

20 июля. УЩЕЛЬЕ САЯН-ЧАДЫР.

Сегодня весь день шли на восток. Едва заметная тропинка то спускалась, то поднималась, то терлась в зарослях карликовых березок. Но наш проводник Андрия Тимофеевич уверенно ведет нас вперед.

Кругом, куда ни посмотри, невысокие, пологие, покосные один на другой хребты, пла-

Идут последние приготовления. Скоро мы отправимся в далекую путь.

ные увалы и глубокие ущелья. Кажется, что в мире существуют только два цвета: лазурь неба да зелень земли. Но когда посмотрим ближе на высокогорный луг, он оказывается живой мозаикой цветов. Будто порхающие бабочки, качаются на ветру мягкие сине-фиолетовые лепестки водосбора. Яркооранжевыми френхриками горят бубенчики алтайских орнаментов. Похоже на анютины глазки лиловые и желтые фиалки, курдючные белоногиптурные сераники, желтые маки и синие змеголовники виркалены в этот рисунок.

В ущельях поднимаются ливневничные и кедровые леса. Ливневничный лес весь пронизан солнцем. На фоне красноватых стволов сияют бархатистые пики шпорника, пламенеют альпе розетки «марьяны корня». Густ и мрачен кедровник. То там, то тут гниют свалежные бурей стволы-валяны. Редкий луч пробьет непроходимую черно-зеленую крону.

Таких лесом мы вошли в ущелье Саян-Чадыр. Наш проводник рассказал довольно мрачную легенду о происхождении названия этого ущелья:

— В стародавние времена богатый старик-аппаче поехал к соседям (так называют туземцев) искать себе жену. За большой вы-

куп он взял в жены девушку-союнку и привез в свой аял. Молодая красавица не примирилась с таковой долей, убежала от старика в лес, построила себе «чадыр» — шалааш — и скрывалась в нем до самой смерти. Ущелье с тех пор назвали Саян-Чадыр, что значит «Убежище сонника».

К вечеру мы вышли на косогор, и перед нами открылся чудесный вид: хребты, покрытые голубой дымок, уходили вдаль, словно волны; из-за прищудниного облака выглядывало заснеженное солнце; слева, за одним из хребтов, шел дождь; солнечные лучи, освещая дождевую завесу, позолотили ее; за этой полупрозрачной завесой горы казались, созданными из матового стекла. Виктор Маслов выисарочно делал зарисовки. Фотографы щипкали затворами.

Но вот дождь прекратился, солнце спустилось ниже облака, и сразу все померкло, вышло скучных гор предстал ополетный хребет с пятнами снежника. Лучи солнца становились все краснее, и скоро его диск тонул в фиолетовых холмах...

24 июля. УЩЕЛЬЕ ИЕДЫГЕМ.

Слабый ветерок лениво пошевеливает флаг на мачте, вокруг, в сочной траве, себрыются девять перекалевых палаток. Это наш базовый лагерь.

Отсюда мы должны пройти к истокам рек Иедыгем, Кулагаш и Куркурэ, обследовать ледники, совершить восхождения на снежные вершины, питающие эти ледники, и дать их описание.

Как быстро мы обжили эту окружающую

деревьями полянку! Позавчера здесь еще паслись дикие козы, а сегодня и стол построили, и колодец вырыл, и «курган» дымит.

Внизу ворчит холмистый Иедыгем. Километрах в восьми от нашего лагеря он впадает в Аргут. Но как непохожи долины этих рек! Два дня назад мы проходили темными ущельями, склоны которых покрыты богатой растительностью, а когда вышли в долину Аргута, перед нами предстали высокие, голые красноватые скалы, испосованные руслами высохших ручьяв. Деревьев здесь нет, трава выжжена, на тропе пыли. Редкие кустики полыни наполняют сухой воздух горечью. Жара и тишина. На привале приходилось развешивать на палках широкую брюну, в их тени прятаться от палящих лучей солнца.

Собираемся на ледники: уложили в рюкзаки свитера, шерстяные шапочки и рукавицы. Разделившись на четыре группы, мы уйдем в ущелье Кулагаш и Куркурэ. Вернемся сюда только через восемь—девять дней. В лагере остаются коноводы и Сергей Федорович.

Ну, до встречи!

29 июля. ВЕРХОВЬЕ КУЛАГАША.

Позавчера у слияния восточного и западного притоков Кулагаша мы оставили Виктора Маслова и, пожелав ему хороших этюдов, ушли вверх по западному притоку. Шли цепкими кустарниками ивы и березки, по речным отмыкам, по каменной осыпи. Уже в сумерках, расчистив от камней небольшую площадку, установили палатку и заночевали.

Наутро, в начале восьмого, наша четверка подошла к леднику, который питает водками Кулагаш. Ледник Алтая год от года отступает. На огромном камне высмывающейся краской отметили дату и место, где кончается ледник. При повторном посещении можно будет определить скорость его таяния.

Затем по четырем пологим ступеням льда, волнообразно переходящим одна в другую, начали подъем на перевал. Путь нам преграждают трещины, мы обходим их или перепрыгиваем.

Вдруг Василий Просвирнин, заметив на снегу большие темиророзовые пятна, возбужденно заговорил:

— Смотрите, здесь кто-то краску разлил!

— Это не краска, — объясняет Елена Алек-

сеевна, — это скопление мелчайшей красной водоросли. Такие пятна иногда встречаются на высокогорных и полярных снегах.

Еще издали замечаем, что круглой снежик нарисок пересечен цепочкой чьих-то следов.

— Вот и следы, а вы говорите... — не унимается Просвирнин.

Подходим ближе. Ба, да это следы медведя! Они встречались и раньше, но дням высокого узкого, длинного озера. Стремление сократить путь или простое любопытство побуждали мишку направиться по илу вдоль озера. Следы сначала были едва заметны, но чем ближе продвигался зверь к высокому озеру, медведь да лап вляла глубже и глубже. Видимо, испуганный этим обстоятельством мишка круто повернул к берегу...

У реки, в лесу следы медведя не унаивали нас, но что вынудило мишку подниматься на перевал... Однако приоритета остается приоритетом. — в записке, оставленной под кучкой камней, мы назвали перевал «Медведьшанка».

Определив высоту, сделал буссолью засечки на вершины, зарисовал и сфотографировал панорамы, начал спуск. Облака шли к высоте, то так низко, что их можно было достать руками... Поднявшись на второй перевал, мы повернули назад.

Утомленные, но довольные двухдневным переходом, мы, завидев своей палатки на

О переходе аброд нечего было и думать — пришлось строить мост.

На коротких привалах наряды находил себе дед. А наш художник Маслов обычно брался за палитру.

опушке кедровника, нырнули в густые заросли иван-чая, башмачку подкарабкал к самому шалашу, где оставался наш художник, и дружно рванули.

Виктор Маслов выскочил из шалаша с палитрой в руках и бросился обнимать нас, как будто мы не виделись год!

2 августа. БАЗОВЫЙ ЛАГЕРЬ.

Вчера все группы, выполнив задания, благополучно возвратились в базовый лагерь. Вечером, рассевшись у костра, мы стали просить нашего проводника Андриана Тимофеевича Архипова что-нибудь рассказать. За время похода мы полюбили этого немолодого, всегда озабоченного, но чуткого человека.

— Кто-то интересовался, что за памятники стоят почти в каждом алтайском селе... — втроем начал Андриан Тимофеевич. — Это партизанам, погибшим в боях с белобандитами... Во время колчакщины в эти края свирепствовала банда Кайгородова. Бандиты убивали, грабили, мучили всех, кто был за Советскую власть. Штаб Кайгородова находился в Тюнгуре, вокруг, в узких ущельях, были расставлены заставы. К ним нельзя было подобраться. Тогда партизаны решили совершить переход через Яломанские «белки» — горы, круглый год покрытые снегом, — и свалиться Кайгородову, как снег на голову...

Не спеша рассказывал колхозный песенник, бывший партизан, про героический «северный поход» через непроходимый даже летом горный хребат. Несколько суток в мороз и метель пробирались они по ледяным кручам и неосужденно воровались в логово белобандитов.

Догорел костер. От котелков поднимается аппетитный запах. Обед готов!

Уже догорал костер, а мы под впечатлением рассказа все еще лежали молча, тесно прижавшись друг к другу, и смотрели на горку красных угляй...

8 августа. ЛЕДНИК МЕН-СУ.

Пятый день наша палатка стоит на каменистой площадке ледника Мен-су, дающего воду Иедегему. Это самый большой ледник Алтая, длина его десять километров. С окружающих высот он и сам кажется большой рекой. Недаром Мен-су в переводе значит «Река льда».

От Мен-су расходятся меньшие ледники. По одному из них три дня назад группа свердловчанки Данилюхи ушла на штурм скального массива, увенчанного тремя живописными вершинами. Группа Пепина тоже отправилась на первосхождение на другую грозную вершину. Группы Хакимулина и Игумнова поднимаются вверх по леднику

На дне высыхающего озера глубоко отпечатались следы. Здесь прошла медведка!

Мен-су. Казаква и я остались для наблюдения и связи, готовые в любую минуту оказать помощь штурмующим высоты.

Срок возвращения групп был назначен в двадцать ночь-ночь седьмого августа. Каждый день в определенный час группы должны были сигнализировать огнями: одна вспышка — все благополучно, две подряд — сигнал бедствия.

Почти весь первый день группы находились в поле видности, а с наступлением ночи с перерывом в четверть часа вспыхивали четыре далеких огонька. На второй день, сменяя друг друга, мы с Казаковой в бинокль следили за склонами. После обеда с юга пополнили облака и скрыли вершины. Только к вечеру нам удалось в разрыве пуртурных облаков увидеть крошечные фигурки Хакимулина, Худикова и Клецко — они поднялись по скальному гребню. Но через мгновение разрыв замкнулся, и до самой ночи горы оставались плотно окутанными облаками. Как ни вглядывались мы в туман, не замечали ни одного утешительного

огонька. Оставался без ответа и наш визов — световой сигнал. Молча, с тоской на сердце, мы легли спать...

Наступил усложненный день возвращения групп. Как только солнце сошло полумрак в ущелья, мы начали шерить биноклем по склонам. Тщетно...

Группы Хакимулина и Игумнова не должны быть видны — их спуск не просматривался. Но путь Данилюхи и Пепина перед глазами, а где они?

Наконец в десять утра на искрающемся снежном склоне появились три далеких точки. Ура! Группа Пепина шла на спуск.

К вечеру, часа в пять, вернулись группы Хакимулина и Игумнова.

Спустился два часа Пепин, Уставов и Просвирнин с сияющими глазами доложили о взятии вершины, названной ими «Пиком героической Корея».

Приближался контрольный срок, а одной группы все не было. Пробившись почти трое суток на восхождении Хакимулин, Пепин, Клецко, Уставов поодиночке отыскали в сторону Елену Алексеевну, и каждый всеми силами убеждал ее включить в спасательную группу именно его, а не других... Томительно тагулись тревожные минуты. К восьми часам ничего не изменилось. Было решено принимать меры.

— Огонек! На скалах, внизу! — вдруг крикнул Хакимулин.

Второй вспышки не последовало, — значит, все в порядке.

Через три часа Данилюхи, Андрияши, Волынец и Курочкин репортовали об открытии вершины и по праву первосходителя прошили назвать ее «Пиком 50-летия КПСС»...

21 августа. СЕЛО ТЮНГУР.

Алтай продолжает очаровывать нас гладью озер, покрашенных от заморозков травами, зяном нечаших желтея березовых листьев, горным реками, голубяной безоблачного неба...

Сегодня последний день. Наше путешествие окончилось! Как увлекательно и интересно было самим глазами увидеть еще один уголок Родины! Приятно сознавать, что сделано пусть небольшое, но нужное дело. Иногда было

Проваливаясь по колено в рыхлый снег, начали спуск с перевала.

тяжело, но мужество и воля дружного коллектива преодолели все. Мелкие лишения быстро забываются, а в памяти остаются радость, удовлетворение и гордость за товарищей и за себя.

Алтай, Вершина Валуки со стороны Анзаского озера.

Фото П. Шведова.

Ярослав Чермак.

Гуситы, обороняющие перевал.

Адольф Забранский.

С Советским Союзом на вечные времена.

ИСКУССТВО БРАТСКОГО НАРОДА

А. КАМЁНСКИЙ

Недавно в Москве состоялась выставка произведений живописи, скульптуры и графики Чехословакии. На этой выставке было показано все богатство и многообразие художественной культуры наших друзей.

Искусство народов Чехословакии имеет многовековые традиции. Особенно высокого расцвета достигло оно в XIX и начале XX века.

Во второй половине прошлого века знаменитый живописец Миколаш Алаш написал лучшие свои полотна, прославляющие подвиги народа в национально-освободительной борьбе. Типичны его картины «Встреча Юри из Подоради с Матвеем Корнином» и «На могиле воина-гусита», показанные в числе других на выставке. Картина «На могиле воина-гусита» — это песня о бессмертии героя. Балз могильного камня остановилась в глубокой скорби всадник. Он прощается со своим боевым другом, а вдалеке виднеется отряд вставших чешских крестьян, идущих в бой за национальную независимость и свободу.

Алаш одним из первых отразил в своем творчестве глубокие симпатии чешского народа к братскому русскому народу. Эти симпатии запечатлены в его миниатюрах к книге «Эхо русских песен» и рисунках на темы русско-турецкой войны 1877—1878 годов. Современная чешская писательница Мария Пуяманова писала об этих рисунках:

«Миколаш Алаш, художник, рукой которого водил гений чешского народа, нарисовал когда-то давно, еще при империи, молодого русского богатыря, который был своего коня. Над рекою поднимаются Гривачи. Под рисунком художник написал: «Не будет в Чехии дуба, пока русский конь не напьется из Ватвы». Передо мною всплыла эта картина с пророческими словами, когда пришла освободить Прагу Красная Армия».

Крупным мастером исторической картины был и Ярослав Чермак. Одна из центральных тем его творчества — крестьянские (гуситские) войны XV века. В большом цикле полотен и рисунков художник

воспел героев этих войн — пахарей и садоводов, простых и мужественных людей. На выставке его творчество было представлено картинами «Гуситы, обороняющие перевал» и «Раненый черногорец». Великий русский художник Репин в письме к Стасову, dealing с своими впечатлениями от картины «Раненый черногорец», писал: «Какой героический художник Чермак! Сегодня... видела я его чудную картину: с вершины в горах, которая служит, вероят-

Макс Шаубинский.
Портрет Юлиуса Фуцика.

но, крепостью, несут раненого героя для дюжиз черногорца, герой это не вспыхивающий мальчик, который в увлечении забрался не туда, куда следует, — это опытный полководец, глава. Все женские фигуры кааняются ему в пояс и смотрят на него с благоговением и с большой грустью.

Во всем ансамбле и подробностях так и вост поэзией. Это чисто «Тарас Вульба»

Гоголя. Какой бесподобный, какой реальный и красивый вместе художник! Что за благородство в этом бледном лице седоусого вождя!»

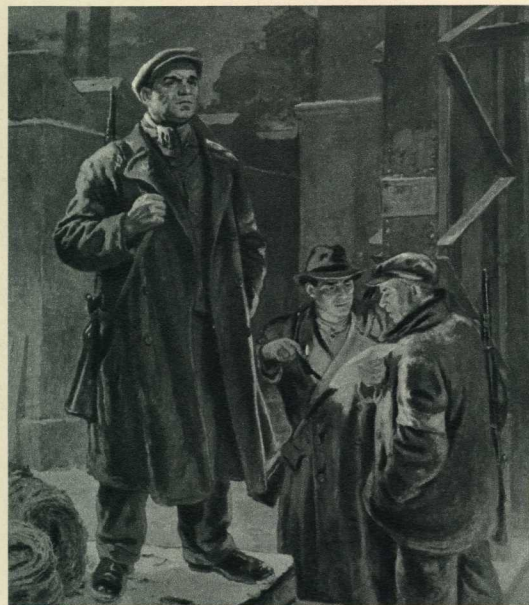
На выставке были широко представлены также и чешские пейзажисты. Йозеф Манес, классик чешского пейзажа, в своих работах «Рижский край», «Абский пейзаж» не только показала в живописи природу Чехии, но и сумел увлекательно рассказать о ее неповторимой красоте. Традиции Манеса продолжил и развил Антонин Хиттусси, пейзажист-мирис, пост своего края, тончайший мастер колорита.

Большим успехом у посетителей пользовалось монументальное полотно Антонина Салайчека, родоначальника реалистической школы современного чешского пейзажа. «У нас в Каменичках». Высокое небо, тихие поля, стройные деревья, отражающиеся в дремлющей глади озера, — вот она, милая сердцу художника прекрасная Чехия! Безжизненная простота рассказа соединяется в этой картине с глубиной заложенного в ней патристического чувства.

Из старых мастеров чешского портретного искусства крупнейшим, бесспорно, является Фридрих Незадба. Глубоко и тщательно изучив традиции классического портрета, он в своих работах добивается силы и точности психологической характеристики. Посетителям выставки запомнилась выполненная им портрет актера Тржебского.

Основой развития чешской скульптуры были реалистические традиции. Среди показанных на выставке произведений этого жанра выделялись работы крупнейшего мастера скульптуры Йозефа Мысбека: портрет знаменитого композитора Ваджиха Сметаны и монументальная восторженческая статуя «Преданности» — подлинный гимн чистым, светлым силам души чешского чистей.

С победой народно-демократического строя в Чехословакии перед мастерами изобразительного искусства раскрылись необычайно широкие возможности свободного творчества. Показателю как можно полнее, глубже, правдивее жизнь народа, его

Ян Чумпель.

«На рассвете февральского дня».

революционную борьбу, его трудовые подвиги стало первоочередной задачей чехословацких художников.

Многие из них уже добились значительных успехов на пути к социалистическому реализму. Об этом свидетельствует, например, полотно Яна Чумпелька «На рассвете февральского дня». Написанная по горячим следам февральских событий

1948 года, когда народы Чехословакии решительно простили попытку реставрации буржуазного строя и отточили народно-демократическую власть, картина Чумпелька повествует о стойкости и выдержке рабочего класса страны. Живописец создал образы людей мужественных, упорных в борьбе, непоколебимых верных в правоту и конечную победу своего великого дела.

Дворжак в России

В начале мая этого года прогрессивная общественность мира отмечает пятидесятилетие со дня смерти Антонина Дворжана — одного из крупнейших чешских композиторов. Музыкальное наследие Дворжана, так же как и его старшего современника — Сметану, является высшим достижением чешской классической музыки. Глубоко реалистическое творчество композитора связано с идеями национально-освободительного движения чешского народа и глубоко демократично по своему существу. Оно носит яркий национальный характер.

Развитию замечательного самобытного таланта Дворжана способствовали его связи с передовыми русскими музыкантами, особенно с Чайковским, которого чешский композитор знал лично. В конце 1888 года в Праге состоялась премьера «Евгения Онегина», восстановлено встреченная публично. Дворжан писал Чайковскому: «...это чудесное сочинение,

полное теплового чувства и поэзии, разработанное до деталей, коротко складать, это музыка, манящая нас к себе и пронизающая так глубоко в душу, что ее нельзя забыть». Важным событием в жизни Дворжана была его поездка в Россию. В 1890 году он приехал в Москву по приглашению Чайковского, бывшего тогда одним из директоров Русского музыкального общества. Москва встретила Дворжана приветливо. Многие газеты опубликовали статьи, посвященные жизни и творчеству чешского музыканта и его предстоящим выступлениям. В них подчеркивалось, что Дворжан давно известен русским слушателям, что его «славянские танцы» пользуются в России огромной популярностью.

Первый авторский концерт чешского композитора, состоявшийся в Москве, был принят восторженно.

Второе выступление Дворжана, состоявшееся в Петербурге, прошло с не меньшим успехом. Поездка в Россию показала чеш-

скому композитору, как много интересует передовую русскую общественность судьба его родины и развитие чешской национальной культуры. Выступления Дворжана в Москве и Петербурге, так же как

На многих полотнах запечатлена трудовая жизнь простых людей Чехословакии. Картина «В летнем саду» Йозефа Држа показывает заводские будни, нарос трудового творчества. Картина Марии Медвецкой «Выполнение гостовок в Верхней Ораве» отражает новую жизнь словацкого села.

Современный чехословацкий пейзаж на выставке был представлен работами таких мастеров, как Ян Саливичек, Йозеф Фабини, Йозеф Галжесали.

Успешно развивается и современная чехословацкая скульптура. Большая заслуга ее мастеров в том, что они создали множество самых, впечатляющих портретов представителей рабочего класса и крестьянства страны. Таковы «Халустер» Оскара Козака, «Кочегар Угря» Яна Хулиха, «Сми-нарка» Людовита Тога, «Сварщик Хорват» Александра Триуляка, «Бригадир» Милоша Зета и другие.

Группа скульпторов — Свата Гайерова, Людвик Кодым и другие — очень интересно решила историческую тему в горельефе «Ленин председательствует на VI Пражской конференции РСДРП в 1912 году».

Выдающийся скульптор Чехословакии Карел Покорный создал замечательную группу «Братство». В этой скульптуре запечатлен незабываемый день 9 мая 1945 года. Порывистым движением бросаются в объятия друг к другу советский солдат и партизан Чехословакии. Волнующе прекрасна та искренность, с которой встретились свободные сыны братских народов. Дружба навеки!

Теме дружбы чехословацкого и советского народов посвящен и монументальный рисунок графика Адольфа Забрански «С Советским Союзом на вечные времена».

Высокого развития достиг в Чехословакии графический портрет. К числу лучших его образцов относится портрет Клементы Готвальда работы В. Носабы и известный во всем мире портрет народного героя Чехословакии Юлиуса Фучника, созданный Максом Швабински.

На выставке было представлено также интересное иллюстриции к книгам и остроумные карикатуры.

Выставку посетили десятки зрителей. Многие из них с удовлетворением отмечали в книге отзывов, что современное чехословацкое искусство успешно развивает лучшие традиции национальной классики и в то же время остро и многообразно откликается на актуальные темы современной жизни.

и Чайковского в Праге, явились ценным вкладом в развитие русско-чешских культурных связей. Передовые музыкальные деятели России высоко оценили творчество и дальнейший творческий деятельность Дворжана и радовались его успехам.

Смерть Дворжана вызвала большую скорбь не только в Чехии, но и в России. Балетмейстер пионером деятелем чешской культуры Юзефом Каламаном Сетовым граф принес нам печальное известие о внезапной кончине Вашего знаменитого композитора Антонина Дворжана. Неоспоренная утрата этого высоко одаренного славянского композитора несомненно вызовет как в Вашем отечестве и славянских странах, так и во всем музыкальном мире глубокую скорбь и негодование. Я присоединюсь всею душою».

Необычайно широкое развитие достигли культурные связи между народами Чехословакии и Советского Союза в наши дни. Советский народ гордится знанием, любит и высоко ценит музыку великого русского композитора Антонина Дворжана.

Л. НИКИН

"Длинный" умирает

За окнами лачуги шумел ливень, удары грома сотрясали лачугу. Молнии, рассекая полумрак, освещали испуганные детские лица и фигуру матери, которая держала на руках младшую девочку.

— Только бы не было града!.. Святая Варвара и святая Симо-

дней недели, как шаг в сердце Мадонны¹, как семь смертных грехов. Он работал с утра до вечера, чтобы прокормить детей. Но однажды карабинеры принесли ему повестку, и его отправили в Россно на помощь гитлеровским войскам. Перед отправкой на фронт какой-то человек в черной

В поисках работы бродят по дорогам Италии молодые крестьяне.

не, — шептала мать, крестьянка, — спишите нас от града!
Но ее лицу, постаревшему от постоянного горя, потекли слезы. Вслед за ней заплакали и дети. В темном углу лачуги завозились коза и поросенок. Резкий удар грома заглушил весь этот шум, и в оконное стекло стучаюло несколько белых горошин. Затем все сильнее и сильнее забарабанил, звизжала по стеклу град. И вот уже кажется, будто сплошной занавес заслонил собою все. Не стало видно за ним и виноградника, что поднимается по склону холма перед домом.

— Два года теперь не будет винограда, — тихо произнес Себастьяно, бледный двадцатилетний юноша.

Мать ничего не ответила, она молча плакала, прижимая к себе девочку.

Но вот град прекратился. Небо посветлело и будто заулыбалось. Широкая ралуга встала над землей.

Себастьяно, выскочивший из дома первым, бросился на виноградник. В гряды вперемешку с крупными, как орехи, грядничками валялись обтые зеленые ягоды винограда. Погибав труд целого года. Себастьяно стоял, не в силах двинуться с места.

— Как же теперь прокормить мать и шестерых младших братьев и сестер?

— Дядюшко, отец семьи, обычно говорил: «Их у меня семь — как

рубашке говориш, обращаешь к солдатам: «Вым скажила великая честь защищать цивилизацию...»

Отец не вернулся домой. Он прислал всего лишь одно письмо, в котором говорилось, что в Россно крестьяне живут в хороших домах и что там нет больше помещиков. А вскоре вдове принесли извещение о его гибели и бронзовую медаль.

...

Через несколько дней после грозы в дом пришли карабинеры и два чиновника.

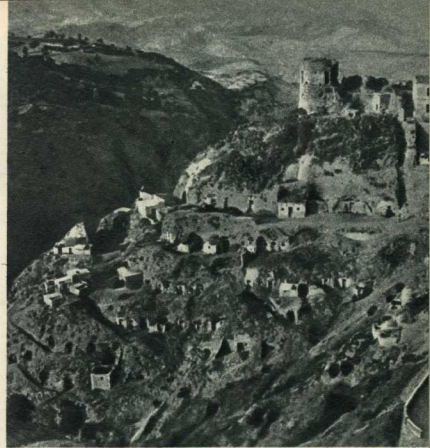
— Согласно приказу, — сказал один из них, — ваше имущество подлежит описи за неуплату налогов.

Осмотрев единственную комнату дома, он добавил:

— Немного здесь добра. Ну, кровати нам не нужны. Да и есть ли они? Стог также не нужен... Изображение Мадонны не представляет никакой ценности, коммерческой, разумеется. Что ж, остаются только коза и поросенок... Запишем. А вы запомните, обратитесь он к хозяйке, окруженый ли детьми, — что козу и поросенка вы не вместе продали ни продать ни зарезать, если не хотите попасть в тюрьму. Они будут проданы с аукциона на уплату долгов и издержек.

— Пожалейте нас, господа!

— Известная в Италии картина изображает Мадонну с семью шпанами в груди.

Калабрия... Убогие лачуги крестьян прилепились к горам.

просила Роза. — Гроза разорила нас, Мой муж погиб на войне...

— Заплатите, что положено, а затем обращайтесь в министерство, чтобы вас освободили от налогов по случаю града...

— Ну, что ж, пошли, — сказал чиновник, обращаясь к своим спутникам, — здесь прямо нечем дышать...

...

Себастьяно и его брат Джованни, прозванный «длинным», навелись к помеху убирать с полей пшеницу. Работать с четырех утра до девяти вечера было очень тяжело. Ели тут же, в поле. Вечером в изнеможенности засыпала где-нибудь на сене... Когда жатва закончилась, они отправились со своими узелками искать работу.

Однажды вечером Джованни сказал брату:

— Отнеси матери деньги, а я пойду дальше... Что заработаю, пришло вам.

— Оставь себе немного, — сказал Себастьяно. — Может быть, мне удастся что-нибудь сделать с нашими виноградниками.

Они разошлись.

Джованни с двумя другими крестьянами, такими же бедняками, как он, прошел уже немалый путь. Деревни, городишки, местечки, наконец, и Турин. Но работы нигде не было. В домах, на фабриках — везде ошм встретили отказы. Спали кое-как, под открытым небом, в порядке голодаки. Иногда собирали под деревьями упавшие плоды. Но с тех пор, как Лоренцо — один из товарищей Джованни — алез в фруктовый сад, чтобы выбрать груши и в него выстрелили солью, они боялись подходить к деревьям.

Работы не найти и в городе. Приходится ночевать на камнях улицы.

Однажды, увидев группу рабочих на мосту, они спросили у старшего, не найдется ли работы и для них.

— Да работа-то есть, — ответил тот, — но за все ничего не платят. Это «забастовка наоборот»¹. Мы можем лишь дать вам постель!

Все трое с жаром принялись чистить постель.

Во время перерывов молодые крестьяне узнали от своих новых товарищей много такого, что сначала показалось им непонятным, но через несколько дней стало ясным. В эти дни они работали не на хозяев, никто не подгонял их, как во время жатвы, и от этого работали с большой охотой. И ели они каждый день.

Но однажды утром прибыли полицейские в железных касках, вооруженные ружьями и автоматами. Последовал приказ прекратить работу. Когда рабочие не подчинились, полицейские начали избивать их дубинками, мотками арестовали. Джованни, Лоренцо и третий крестьянин убежали через поле.

Снова начались странствования. В Генуе в порту они увидели длинную очередь.

— Кто это? — спросил Джованни.

— Рабочие, — коротко ответили ему. — Они ждут своей очереди, ждут часов, а потом в пятисот человек работу получает сорок, а то и меньше, а другие остаются за воротами...

И Джованни вместе с товарищами снова пошел искать счастья... Как-то им пришлось воевать в кустах у проселочной дороги. Под утро они вдвое ушли самым голо-

¹ «Забастовка наоборот» — новая форма борьбы итальянских безработных. Веработные выходят на общественные работы (ремонт дорог, мостов и т. п.). Эти работы правительство не оплачивает, так как расходует средства на подготовку и войну.

Крестьяне захватывают пустующие земли.

са — по дороге двигалась длинная вереница людей. Люди шли с лопатами и мотыгами, несли красные и желтые знамена. Трое товарищей в недоумении спросили, что это значит.

— Мы идем занимать пустующие земли, идемте на работу с

нами! — ответил им высокий юноша.

Друзья не поняли хорошо, в чем дело, но, услышав слово «работа», присоединились к веренице людей. Дойдя до склона одно поле холмов, они отделили одно поле красными флажками. Затем по-

жилой человек с мужественным лицом сказал:

— Товарищи! Прешло почти пять лет, как правительство обещало нам землю. Четыре миллиона гектаров должны были получить крестьяне. Но ее нам не дают, так возьмем же ее сами, товарищи, и будем работать!

Вечером, отдыхая в домишке в шести километрах от занятой земли, Джованни разговаривал с друзьями:

— Поминишь, Карло, когда мы работали на мосту, крестьяне приносили нам хлеб, фрукты и мясо... А здесь, наоборот, рабочие помогают крестьянам: собирают деньги на продукты для нас.

И снова потянулись дни. Каждое утро крестьяне проходили шесть километров от дома до поля, а часто, чтобы не попасть в руки полиции, проходили еще столько же, перебиваясь с одного склона холма на другой.

— Что за жизнь! — говорили они. — Чтобы работать, мы должны прятаться, как преступники...

Однажды ночью Джованни и его друзья проснулись от яркого света электрического фонаря и увидели разные фигуры и круглые дула пистолетов.

— Ружья вверх! Что вы здесь делаете?

— Отдыхаем, — ответил Джованни.

— Вы работаете на земле графа? Не так ли?

— Да!

— Вот мы вам покажем!.. Сердце, надобно на них наручивать! Через несколько минут все трое, закопанные в кандалы, поднялись на грузовик. Многие из их товарищей по работе также были арестованы.

Это был последний урок для Джованни и его товарищей. Они поняли, что работать в Италию — почти что преступление.

Перевод с итальянского.

Опасные игрушки

Это было в 1944 году. Стоял один из тех погожих дней, которые так редко бывают в Лондоне. Тысячи интеллигентных Англии спустились по своим делам, а участвовавших после налетов немецкой авиации сверкающих гулами дети. Теперь они могли играть спонсорскими игрушками, сделанными из бомбардировки Лондона почти прекратились.

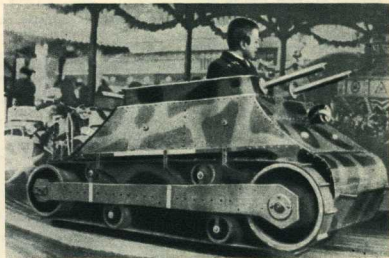
И вдруг раздался резкий свист, и небо взметнулось столб пламени и дыма. Земля содрогнулась от оглушительного взрыва. Завали сирены, возвращавшиеся с воздушного нападения, но гуда самолетов слышно не было. В санитарные машины грузили иснальченных го-

роман... Так начались бомбардировки Лондона реактивными снарядами «Фау-2».

С тех пор прошло почти десять лет. В 1944 году немецкий подросток, изображенный на снимке слева, вряд ли еще самостоятельно ходил и, конечно, не имел ни малейшего представления о снарядах «Фау-2». Зато он подбирал и устанавливал сейчас. Об этом позаботилось боннское правительство Аденауэра.

Превращая страну в плацдарм агрессии, возродив армию, боннские реакционеры ведут в Западной Германии безудержную военную пропаганду. Клина Аденауэра отравляет милитаризмом не только взрослое население страны, но и детей, в которых она вымет своих будущих солдат.

С малых лет юноши и девушки Западной Германии попадают в удручающую атмосферу военной истории. Для отравления сознания детей используются самые различные средства: кино, массовые развлечения, литература и даже игрушки. Одной из таких игрушек и является действующая модель «Фау-2», которую вы видите в руках подростка. Знает ли он, сколько страданий, принесла эти смертоносные снаряды мирному населению? Наверное, не знает. Милитаризм «Фау-2» для него — игрушка. Она сравнительно недорога и рассчитана на широкое потребление. На ярмарке во Франдурте-на-Майне эта игрушка рекламиро-

валась как новинка западногерманской индустрии промышленности, обслуживающей детей. Однако нетрудно понять, что подобная продукция обслуживает в первую очередь не детей, а тех, кто хочет сделать из детей профессиональных солдат-убийц.

Вдохновители военного психоза

поставили себе на службу даже танки безобидные, как наурский. Не на кино, слона или ослика садятся дети, а в танк, бронемашина, на самолет... Сначала кабинка фианерного танка, затем настоящего — танка, уголовный немецкой молодежи западногерманскими правителями,

Говорит МОСКВА...

Фотоочерк
А. Рекемчука и В. Тюккиля.

В дни работы XII съезда комсомола секретарь Центрального Комитета Димитровского Союза народной молодежи Лучезар Аванов передал делегатам съезда подарок болгарской молодежи. Это была скульптурная композиция «Говорит Москва». Ватель изобразил группу болгарских партизан, слушающих передачу из Москвы...

— Говорит Москва!.
Это — голос нашей социалистической Родины. Где бы ни находились советские люди, они всегда с волнением прислушиваются к этим словам. Им внимают воины на далеких пограничных заставах. Редисты китобойной флотилии «Славя» в водах Антарктики настраивают приемники на московскую волну. Летчик, высоко над землей ведущий свой самолет, ловит знакомый ориентир Москвы:

Родина слышит, Родина знает,
Где в облаках ее сын пролетает...

Это песня-пеленг, написанная композитором Д. Шостаковичем и поэтом Евг. Долматовским.

***

Маявничка, усталая коврами кабинета с задрюканными стенами — одна из студий Главного управления радиоиформации Министерства культуры СССР. Над столом всплывает световой

сигнал: «Все готово, Микрофон включен». Диктор Юрий Левитан начинает передачу:

— Передаем «Последние известия».

Во все уголки Советского Союза разносятся добрые вести. Колхозы и совхозы Казахстана закончили сев... Шахтеры Кузбас-

са выдали на-горь тысячи тонн угля сверх плана... Вступила в строй новая ГЭС, открыл районный клуб, советские спортсмены установили мировой рекорд... Еще не успели в типографиях напечатать senaste газеты с новым важным правительственным постановлением, а в эфире уже звучит его слова.

Велика сила радио. Недаром Ленин называл его газетой без бумаги и без расстояния.

Ежедневно сообразает радио о трудовых подвигах советских людей, извещает о всех событиях,

которые происходят в нашей стране и за рубежом. Слушая радио, мы узнаем, как день ото дня крепнет наша страна, поднимается благосостояние трудящихся, растет культура.

— В дикторской мы встречаем двух школьников, которые, судя по всему, чувствуют себя здесь как дома. Это восьмиклассники Тая Луквинович и Вова Мейтов. Редкая передача «Пионерской зорьки» обходится без их участия.

Из соседней студии передают урок гимнастики.

— Раз — два... Не задерживайте дыхания!.. Хорошо! — говорит преподаватель Николай Лаврентьевич Гордеев. И хотя его слова непосредственно относятся лишь к одной спортсменке — Вере Половой, выполняющей перед ним упражнения, тысячи радиослуша-

тели принимают их на свой счет...

Следующая студия подает большому концертному залу. В комнате звукозаписи — микшерной — за пультом сидит том-мастер Мария Сергеевна Светухина.

За широким смотровым окном расположился симфонический оркестр. Вот дирижер С. А. Самосуд, постучав палочкой о пюпитр, предупредительно поднял руку.

— Начали! — в микрофон Мария Сергеевна.

Чарующая, трепетная мелодия звучит и запечатывается на пленке магнитофона. Сергей Живелевич Лемешев и Татьяна Николаевна Лаврова исполняют «Дуэт Ромео и Джульетты» Чайковского.

Строг и взыскателен к себе подлинный художник. Как только отзвучал последний аккорд, ди-

смотря сельской художественной самодеятельности.

Ежедневно в фондовый фонотеку поступает до пятисот записок. Возвращись по лестнице под самый потолок, перебирает коробки с записками молодая подборщица Галина Пирусова: радиослушатель из Хабаровска изъявил желание послушать забытый романс конца прошлого века.

К подъезду Управления подкаптал автобус: специальные корреспонденты вернулись с фабричным Капранова, где они вели репортаж о стажировке вахте обущиков. На стадион «Динамо» отправляется спортивный комментатор Вадим Синявский...

— Продолжаем нашу передачу... объявляет диктор.

Говорит Москва! На весь мир звучит ее голос — голос правды и надежды, голос волевого мужества и человечности.

ПЕРУАНСКИЙ ГАЛСТУК

Фелакстон

Антон сидел над раскрытым учебником и тосковал. В десятый раз он перепрыгивал одну и ту же страницу, решительно ничего не понимая. Не пропусти он последние десять дней в институте — легче было разобраться во всем этом... Но упущенное не вернуть, как ни трудно, а заниматься надо: завтра Жюльма Сафонов — секретарь курсового комсомольского бюро — недвусмысленно намекал, что если Антон завтра плохо напишет контрольную работу, его обязательно вызовут на бюро...

Антон вздохнул: просят контрольную, да еще так неуютно! Ведь сегодня вечер в мед-институте. Там будут Владек, Серж, Олег. Переверну страницу, он с ненавистью взглянул на учебник и подумал о том, как некоторые люди везет. «Вот Серж — он второй год ничего не делает, бросил институт, жонглирует привазами, никто к нему не пристаёт с контрольными, а ты сиди и мучайся».

Но в это время братишка Димка позвал: — Гонимая! К тебе пришла.

Когда Антон выбежал в переднюю, Димка уже успел улечься в другую комнату: он знал — за «Гонимую» ему может попасть.

Дружбы между братьями не было. Двенадцатилетний Димка часто высмеивал длинные волосы Антона и даже однажды заявил вслух, что брат у него — стилига. А недавно, услышав, что Владек называет Антона «Тонни», стал раздражен своего брата «Гонимой».

Вот и сейчас он притворился дверь и вошел, чтобы не слышала мама, спросил: — Гонимая! Завяжу садеты?

Но Антон было не до Димки: перед ним стоял Ямполский — мастер играть на саксофоне и рассказывать анекдоты. Как всегда, он был развязен и «чуточку» пьян.

— Принет, сэр! — сказал Ямполский. — Я к тебе по финансовому вопросу. Маленькая просьба — сойти, только до утра.

Одлаживать деньги Ямполскому — это все равно, что бросать их в ящик. Поэтому Антон довольно решительно отложил саксофону.

— Ты сука, как кто-то там у Мольера, — сказал Ямполский, — а мне необходимо пиастры, и притом позарез...

Вслед за этим он с некоторой грустью добавил: — Ну, черт с тобой, придется уступить тебе уникальный галстук...

Антон сделал нетерпеливый жест: — Я же тебе сказал, — денег нет.

Ямполский понимающе кивнул головой: — Ясно... Но ты меня не досаждай. Денег советую достать. Едва ли предстанет тебе еще один такой случай. Шанс судьбы! Если

бы это было радовой галстук. Это же экзотика! Мне один знакомый штурман дальнего плавания подарил. Единственный экземпляр в стране! Поищи: перуанский галстук!

— Какой? — невольно переспросил Антон. — Перуанский?

— Вот именно! И заметь, дорогой, — унику! Романтизм-штурман купил его в портовом городишке вместе с бананами и перламутровыми запонками. Сам бы носил на зависть ближним, но... преследуют кредиторы.

Забавно, — сказал Антон, — а где же галстук?

Саксофонист быстро, как фокусник, вынул из кармана целофановый пакет с диковинным клеймом иностранной фирмы.

Галстук действительно оказался экзотическим: изумрудные лягушачьи лапки, разбросанные на оранжевом фоне, создавали необычайный рисунок.

Уже с первого взгляда Антон определил, что такого галстука не было ни у Сержа, ни даже у Владека. И в горле у него сразу заперстнуло на задний план. Если он появится в таком галстуке среди ребят, ох, конечно, ахнут. Это же действительно экзотика! Перу!

— Сто драдаты! — деловито сказал саксофонист. — И ни копеечки меньше.

Антон лихорадочно соображал. Придется идти к матери. Она была обслоним и, пожалуй, единственным источником добычания денег. Стипендия Антон не получал, так как в прошлом семестре не сдал несколько экзаменов...

— Минутку! — сказал Антон.

И, взяв в руки галстук, он быстро вышел из комнаты. Антон еще не знал, что скажет матери, но лично его само собой приняло ласковое, приветливое выражение.

Мать лежала в длинном шелковом халате на диване, читала книгу. Димка присел рядом с собой с журналом.

— Ма! — сказал Антон. — Мне одолжилось повезло. Ты понимаешь, сейчас пришел Ямполский и предлагает галстук, но какой! Это самый настоящий перуанский! Нет, ты только взгляни, какая расцветка!

Перуанскому галстuku мать несколько не удивилась: саксофонист и прежде приносил разные «дефицитные» вещи, которые трудно достать в магазине, — вышитые до «шестистых духов Коты». Но когда она узнала о цене, заколебалась.

— Ты понимаешь, ма, — начал убеждать сын, — такого галстука нигде не купишь. Его

привез один моряк. Ни у кого нет такого. Ни у кого — даже у Владека! Это же перуанский! — Да не ведь сто двадцать рублей — это тоже деньги, — сказала мать. — Может быть, он отдаст подешевле?

— Ма! Ну, не будем торговаться. Ты пойми, — ни у кого нет такого! Я всю жизнь мечтал о хорошем галстуке, а выуждене носить всякую дрянь!

И, видя, что мать еще колеблется, добавил: — Ну почему Владек может иметь собственную машину, а мне один галстук купить нельзя? Ну, и мать обвила рукой шею матери, прижалась к ее щеке, и мать уступила, хотя и добавила со вздохом:

— У Владека отец — академик. Им, конечно, можно...

Антон стал владельцем перуанского галстука. Проводил Ямполского, он чуть ли не бегом бросился в свою комнату. «Черт побери! Перуанский галстук! Пусть кто-нибудь попробует достать такой же!» — Антон остановился у зеркала, поглядел галстук и минут пять стоял, не шевельясь, как загнипозитированный.

— Перуанский! — сказал он вслух. — Перуанский!

Конечно, ни о каких занятиях не могло быть и речи. Возбуждене Антона было так велико, что ему захотелось немедленно позвонить кому-нибудь из друзей. Но он тут же вспомнил, что все друзья сегодня на вечерне в медицинском институте.

— Эх, уж мне эта контрольная! — снова вслух сказал Антон. — Впрочем, за один вечер всего не выучишь. Можно у Ничкича Арефьевой списать. Разве она будет против?

«Институт встретил Антона гулом голосов, стуколом в раздевалке. Из дверей зала доносился звук музыки, долетали обрывки голосов, смех и тон особенный, шаркающий шум, который сопутствует тацам».

— Тонни! — закричали вдруг сверху, с лестницы. — Гуай ивинни!

У улыбающегося стоял улыбающийся Владек, а рядом с ним Олег и другие ребята. Они всегда группировались вокруг Владека, молчаливо принаывая в нем вожака. Снизу Антону было хорошо видно, как резко отступилась его компания от толпы, вместе с которой —

— Ма! Как дураки, что ты не приедешь, — сказал Владек. — Эй Да у тебя новый галстук! Показывай!

— Антон, сделав вид, что ему все это не так интересно, расстегнул пиджак.

— Америкавский! — прищурился глава Владек.

— Не... Ямполский?

— Оглянь не удавай, — счастливо засмеялся Антон. — Перуанский.

— Врешь! — не выдержал Серж.

— Не веришь — не надо, — хладнокровно отрезал Антон. — Досталено одним штурманом дальнего плавания. Он добыл этот галстук в портовом городишке вместе с бананами и перламутровыми запонками.

На мигнуто воцарилось молчание, и Антон понял, что сегодня поразили он, поразили всех — Сержа, Олега, Ариольда и самого Владека. Торжество его было полным и безраздельным.

— Ну, хвайт, мальчиш, — величужно сказал он, пойдя в зал.

...На другой день Антон возвратился после занятых делом унылым. От вчерашнего ликующего настроения не осталось и следа. Ничока Арефьева неожиданно заболела, и контрольную списать не удалось. Что он там написал — подумать страшно.

Он шел, не разбирая дороги, думая лишь о том, как ему выкрутится и на этот раз. И только возле какого-то рынка на окраине города Антон, почувствовав усталость, остановился. Разгневанный отидеившись по сторонам, он вдруг привос к месту, широко открыл глаза: перед ним стояла в витрине какой-то палатки прелесть изумрудно-оранжевые галстуки.

Их было не меньше дюжины, и все они были точно такие же, как у Владека!

Неуверенными шагами Антон пошел ближе к витрине. На бумажках, припрятанных к галстукам, было написано: «Артель: «Местный трикотажник». Наименование изделия: Галстук. Цена 8 руб. 50 к. Скидка на брак 1 р. 50 к.»

НА ВЕСЕННЕМ ПЕРЕЛЁТЕ

Фото автора.

1. Весна! На север летят птицы, возвращаясь в родные места... Летят днём и ночью, но меняя привычных путей, задрепленных неизменными высоко-высоко, то сливаясь с белыми облаками, то пересекая лазурь неба, проносятся эти сказочные птицы... А вот переговариваются гуси. Вытянув уши в угол, большая гусиная стая никогда не летит молча. По головам волна узнает, наверно, что происходит на флангах. Да с разговором и лететь легче... Вдаль отсюда из-под облаков доносится дружелюбный веселый свист селезня-селенца. Трудно поверить, что это свистит утка! Остальная утинная стая летит молча. Только повисит быстрых крыльев заставяет охотника поднять голову.

Скоро в лес, на болота, на реки — смотреть и слушать весну!

2. Хорошо замаскировавшись, охотник выпускает на воду своего верного помощника — подсадную утку. Коварная птица плывет в холодной весенней воде и манит, манит, «осаждает», иркать. Сейчас же отсюда-то из дальних кустов или из пролетающей мимо стаи отзвучит свист. Забыл об опасности, они делают круг и, поднимая своих братьев, садятся на воду. Сухие выстрелы разрывают тишину...

Но надо сказать, что этот вид охоты не так прост, как кажется. Не всякая подсадная утка хорошо «работает», но каждый раз выбирать удачно место, не всегда удается даже близко своего селезня. Осторожная птица, заметив малейшее движение или услышав шорох, моментально поднимется в воздух.

3. Не так легко выбрать место для охоты. Охотник меняет одну заводу на другую. Покда с шельстом скользит через кусты или ныряет в место. Теперь надо замаскироваться, устроиться так, чтобы был хороший обзор. Наступившая тишина наполняется неслышимыми до этого звуками. В стороне пролетают весенний уток, отсюда издавна доносится нава. В стороне кулики, хукает вымя, а с берега слышно зрочное бор-ватские тетерева.

Низко над водой пролетела стая цырен. Где-то гогочут гуси. Может быть, налетят! Большой носик пролетел стороной, за ним еще один, ближе, и вдруг прямо на охотника летят три птицы. Завидев опасность, они взмыли вверх, но поздно. Одна из них, сбивая метком выстрелом, упала в воду.

4. Большие плавки причиняют много бед населению леса. Обрушивают лес и барсучьи норы. Хорошо, что их обитатели во-время перебрались повыше! На маленьком острове, отрезанном быстрыми и широкими потоками, мучится зайчик. Под салынным деревом притаялся енот. Ему сейчас не до зайца: островок быстро уменьшается, а площади они все посредственные. Чем-то это монотонно?

Хорошо замаскированный охотник сидит в легкой чалме. Над ним, едва не задев голову, летят весенний уток, но он их как будто не замечает. Странный шум приносил его внимание: кто-то очень большой идет по воде. В голове проносятся влеме догадки, пока из-за кустов не выскочит лось. Он спокойно погружается в глубокую воду и плывет на дальней берег заводи.

5. Проходит напряженные, полные перемианий дни. Охота на утренних и вечерних зорях, с манком и чучелами, с подсадной уткой и просто с лодки, охотничьи истории и рассказы в кругу друзей — все это надолго остается в памяти охотников, побывавших на весеннем перелете.

6. Вода пошла на убыль. Прогретые солнцем бутры понырялись яркой зеленью. Легкий запах струится от пушистых жвелей почки мая. В лесу цветут медуница и «волчий лыко». Уме не слышно звонких весенних голосов птиц, не видно пролетающих стай. Птицы разбились на пары, сели на гнездо. Где-то непрерывно рокочет трактор. Доносится гулоса людей.

Выпущенные птицы повешены на стень. Охотничья весна окончилась.

В. ГИПЕНРЕЙТЕР,
мастер спорта СССР.

Марк ХАБИНСКИЙ

БЕРЕЖЛИВАЯ ЛИСА

Босня

Хвалилась закуртинником Лиса:
«У нас большая экономика оса.
Норма в моем хозяйстве берюга.
И куря денег не клеветают.
Недавно так провекра состоялась,
И оказалось: Оса в куртинке действительно
Зато от курт — ни пуха, ни пера,
Лишь неслышными посреди двора.»

Мораль: не всяким «бережливым»
Серва проверь, верь —

г. Сталино.

ПЕРСОНА

У древних римлян театр, вышедший из области мистики и религии, устраивался под открытым небом. Актерам играть в гриме в театре такого размера было невозможно, так как многие артисты, сидевшие в задних рядах огромного амфитеатра, не могли видеть их мимику. Поэтому актеры выступали в масках разных типов, передающих характер ролей. Во рту маски, изготовленной из кожи и воска, помещался небольшой гудок, усиливавший звук голоса актера. Театральный маска у древних римлян получила название «персона»; от глагола «персонаре» — звучать. Позднее слово это получило и другое значение: театральная роль, характер, натушная роль, покровение и, наконец, лицо, личность, особа.

В этом последнем значении латинское слово «персона» вошло во многие европейские языки, в том числе и в русский. Первоначально в XVII веке оно употреблялось у нас в форме «персуна», «парсуна». Портретная живопись в Московской Руси называлась «персушным делом».

Н. АШУКИН

СМЕНА В номере:

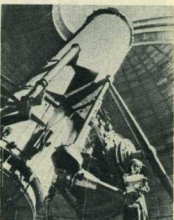
Наша весна — Переводал.
М. Стелтов — Праздник Стихи.
С. Ива — Май над Родиной моей Стихи.
А. Никольский — За миг Стихи.
Г. Калининский — На новые земли.
Полна Каганова — Дружба Стихи.
С. Ивкити-Рывдин — Портрет знаменора. Рассказ.
Игорь Гоблин — Вышла о Сафонове. Отрывок из поэмы.
Генерал армии В. И. Чуйков — О подвиге и славе.
Дмитро Павличко — Период Радой Стихи.
К. Кудрявский — Дружба.
Г. Павловский — Переписка Стихи.
Ю. Егоров — В тирану весна.
Бор. Егоров — Мы строим П. Шведов — Нехоженными тропами. Из двинских туриста.
А. Кавемский — Искусство братского народа.
Джонни Джерманетто — «Длинный учтис». Говорит Москва. Фотохром А. Рекемчука и В. Тюкнела.
В. Архипенко — Перуанский галстук. Фельетон.
В. Гиндлерейтер — На весеннем переете.
Марк Хабинский — Бережливая лиса. Васна.

На первой странице обложки: А. Корково-Сирень.

На четвертой странице обложки: В крымской авиационной оборонитории. Фото В. Тюкнела.

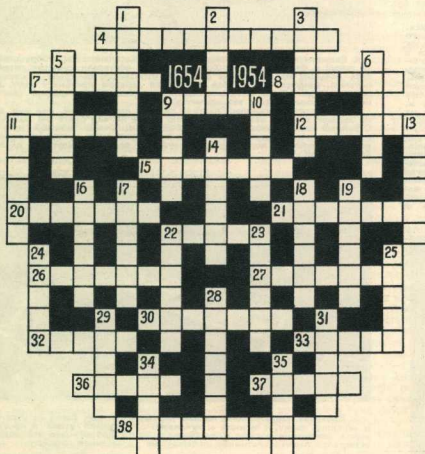
Оформление номера В. Урина.

Технический редактор О. Швова.

КРОССВОРД

Составил С. Егоров

жизн за Дунаем». 19. Административное деление запорожского войска. 22. Один из руководящих партизанских движений на Украине в годы Великой Отечественной войны. 23. Директор шахты в романе А. Фадеева «Молодая гвардия». 24. Сыновья Н. В. Гоголя, которых шло в театре при жизни автора. 25. Знаменная колхозница УССР. 28. Герой одной из А. Корнейчука. 29. Автор картины «Запорожца». 31. Один из героев оперы К. Давильевича «Богдан Хмельницкий». 34. Автор пьесы «Под алыми крыльями». 35. Украинский писатель, автор книги «Забог мил».

По горизонтали:

4. Выдающийся полководец и гетман Украины. 7. Лесное распространение на Украине. 8. Персональный уполномоченный Украины. 9. Голландская провинция. 10. Янгити страны. 11. Персональный писатель А. Корнейчука «Павлов Кречет». 12. Город в Днипробассе — родина старожонского движения. 15. Город, облеванная которого считается одна из крупнейших ГЭС. 20. Украинский народный танец. 21. Советский генерал, под командованием которого войска освободили Киев. 22. Старинный город на Украине. 26. Великий князь новгородский. 27. Украинский композитор. 30. Украинское кушанье. 32. Пиварский лагерь в Крыму. 33. Старинный украинский музыкальный инструмент. 36. Западная часть Азовского моря, упоминаемая в повести И. Гоголя «Странная месть». 37. Герой оперы Ю. Милютина «Трембиты». 38. Поэма Т. Шевченко.

По вертикали:

1. Автор картины «Наша весна» с Москвой, навеяна с русскими народом». 2. Ручья на Украине. 3. Автор памятника Богдану Хмельницкому, установленного в Киеве в 1989 году. 5. Один из вояков беглых крепостных крестьян в Прикарпатье. 6. Выдающийся украинский поэт. 9. Один из талантливых сподвижников Богдана Хмельницкого. 10. Украинская государственная валюта. 11. Вологодский поэт, переводчик произведений Т. Шевченко. 13. Героиня драмы М. Кропивницкого «Плоха сохоты вождет, роса очь вместе». 14. Отчество. 16. Город в Днепропетровской области УССР. 17. Автор повести «Сорокатыя ямарышки». 18. Герой оперы С. Гулаки-Антимовского «Запоро-

жично. 13. Героиня драмы М. Кропивницкого «Плоха сохоты вождет, роса очь вместе». 14. Отчество. 16. Город в Днепропетровской области УССР. 17. Автор повести «Сорокатыя ямарышки». 18. Герой оперы С. Гулаки-Антимовского «Запоро-

Главный редактор М. А. Веллчко.

Адрес редакции: Москва, 47, ул. «Правды», 24.

Тел. Д-34-34-24.

Л. 00673.

Подписано и печати 8/VI 1954 г.

Заказ № 1266

Тираж 120 000 экз.

Над. № 415.

Формат бумаги 70х108/16.

1,75 бум. л. — 4,8 печ. л.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина. Москва, ул. «Правды», 24.

ЧТО СКАЗАЛ БЫ ЩЕДРИН ПО ЭТОМУ ПОВОДУ...

Исполнилось 65 лет со дня смерти великого русского писателя-сатирика, революционного демократа М. Е. Салтыкова-Щедрина (1826—1889 годы).

Щедринская сатира зло бичевала мир наживы и угнетения трудящихся, мир чиновничьего произвола и либеральной трусости. Суровая и правдивая, проникнутая духом народности, она стала острым оружием революционной борьбы. Это оружие действует и в наши дни. Могучее сатирическое слово Щедрина помогает советским людям вытравлять бюрократизм, зазнайство, тунеядство, пустословие.

ТРУТНИ ОТ НАУКИ

«С одной стороны, он чувствовал, что ему делать нечего; с другой стороны, тоже чувствовал — что ничего не делать нельзя. Потому и затеял нечто среднее, что-то такое, что до некоторой степени напоминало игру в бирюльки».

ПРИХОТЛИВЫЙ БЮРОКРАТ

«Каждый день перед ним кляли известную порцию бумаги, и если эта порция случайно уменьшалась, то он приметно начинал беспокоиться, упрекал подчиненных в нерадении и требовал усугубления рвения. С течением времени он до того вошел в свою роль, что сделался даже прихотливым. Заметил, что ему подходят только коротенькие бумаги, и стал требовать длинных...»

ДИССЕРТАЦИЯ ВЗАИМЫ

«В наше время составление подобного рода кинжени — дело далекое не трудное».

